

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 2 (2020)

Оглавление

В сфере административно-правовых отношений	2
условия содержания в местах лишения свободы	2
практика Европейского Суда по правам человека.....	2
неоказание надлежащей медицинской помощи в местах лишения свободы.....	4
практика Европейского Суда по правам человека.....	4
запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)	5
практика Европейского Суда по правам человека.....	5
право на свободу и личную неприкосновенность.....	25
практика Европейского Суда по правам человека.....	25
право на свободу выражения мнений	28
практика Европейского Суда по правам человека.....	28
право на свободу собраний.....	32
практика Европейского Суда по правам человека.....	32
право на эффективные средства правовой защиты.....	44
практика Европейского Суда по правам человека.....	44
право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение дел об административных правонарушениях).....	45
практика Европейского Суда по правам человека.....	45
В сфере гражданско-правовых отношений	55
вопросы присуждения соразмерной (достаточной) компенсации за допущенные нарушения прав и свобод. Утраты лицом статуса «жертвы»	55
практика Европейского Суда по правам человека.....	55
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений	58
запрет пыток, иного недопустимого обращения	58
практика Европейского Суда по правам человека.....	58
нахождение обвиняемого в зале судебного заседания в «металлических клетках».....	58
практика Европейского Суда по правам человека.....	58
право на свободу и личную неприкосновенность.....	58
практика Европейского Суда по правам человека.....	58
право на беспристрастный суд.....	62
практика Европейского Суда по правам человека.....	62
право на участие защитника	63
практика Европейского Суда по правам человека.....	63
производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей	66
практика Европейского Суда по правам человека.....	66

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

условия содержания в местах лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека (далее также – Европейский Суд, Суд) по жалобе № 60993/16 и по 6 другим жалобам «**Баранов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 8 февраля 2018 г.), № 33361/16 и по 6 другим жалобам «**Попов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 22 февраля 2018 г.), № 40122/16 и по 9 другим жалобам «**Котов и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 14 декабря 2017 г.), которыми установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее также – Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция) в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в исправительных учреждениях и отсутствием у заявителей эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобам:

¹ В рамках настоящего обзора понятие «*межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека*» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, а также Европейский Суд по правам человека.

№ 7130/08 «*А.К. и другие против Российской Федерации*» и по 5 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 29 марта 2018 г.);

№ 24753/16 «*Воронцов и другие против Российской Федерации*» и по 6 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 г.);

№ 38347/16 «*Иванов и другие против Российской Федерации*» и по 6 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 г.);

№ 18408/16 «*Киселев и другие против Российской Федерации*» и по 5 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 г.);

№ 74889/16 «*Смирнов и другие против Российской Федерации*» и по 7 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 г.);

№ 21778/08 «*Фаткин и другие против Российской Федерации*» и по 6 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 29 марта 2018 г.).

В названных постановлениях также установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в учреждениях пенитенциарной системы и отсутствием у них эффективных внутригосударственных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

В постановлении по делу «*Киселёв против Российской Федерации*» установлено также нарушение статьи 3 Конвенции в связи с помещением заявителя в т.н. «металлическую клетку» при рассмотрении судом его дела.

См. также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 11577/12 и по 6 другим жалобам «*Асонов и другие против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 26 июля 2018 года), которым было установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением одному из заявителей надлежащих условий транспортировки. Одновременно Европейский Суд исключил из списка подлежащих рассмотрению дел жалобу *Асонова Ю.Л.* на нарушение статьи 3 Конвенции (необеспечение надлежащих условий содержания в местах лишения свободы) в связи с принятием условий односторонней декларации российских властей.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 79494/17 и по 9 другим жалобам «*Боровцов и другие против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 16 января 2020 г.), которым Европейский Суд, в том числе, исключил из списка подлежащих рассмотрению дел ряд жалоб на нарушение статьи 3 Конвенции (необеспечение надлежащих условий транспортировки находящихся под стражей заявителей) в связи с заключением мирового соглашения между сторонами.

неоказание надлежащей медицинской помощи в местах лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе №66231/14 «*Дмитриев против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 6 декабря 2016 г.), которым установлено нарушение российскими властями ст. ст. 3 и 13 Конвенции в связи с необеспечением заявителю надлежащей медицинской помощи в пенитенциарных учреждениях и отсутствием эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

По мнению Европейского Суда, заявитель представил убедительное доказательство отсутствия надлежащей стоматологической помощи во время его содержания по стражей с подробным описанием сроков и характера лечения, представлением фотографий ротовой полости, письменных показаний пяти сокамерников и заключений стоматологов (пункт 34 постановления).

Принимая во внимание представленные сторонами документы, Суд признал установленным тот факт, что заявителю не предоставлялась стоматологическая помощь на протяжении более чем четырнадцати месяцев во время его содержания в заключении. Этот вывод также подтверждался тем фактом, что Власти никак не прокомментировали письменные показания бывших сокамерников заявителя. Ни в выписках из медицинской карты заявителя, ни в списках лекарств нет указаний на то, что заявителю давали болеутоляющие средства, в которых он очевидно нуждался, поскольку жаловался на зубную боль (пункт 34 постановления).

Суд принял во внимание то обстоятельство, что 19 февраля 2009 года у заявителя был диагностирован периодонтит. За два года болезнь перешла в хроническую воспалительно-дегенеративную форму, но медицинские работники просто продолжали удалять заявителю зубы, не назначая никакого профилактического или консервативного лечения. Лишь спустя четыре года и девять месяцев после постановки диагноза ему впервые провели лечение периодонтита. Власти никак не объяснили такой значительный промежуток времени (пункт 36 постановления).

Европейский Суд установил, что 27 июня 2014 года у заявителя отсутствовало восемнадцать зубов, пять из которых были удалены в течение периода содержания под стражей. Вместо восьми отсутствующих зубов стояли «металлические протезы», которые, по словам заявителя, были сделаны и установлены сокамерником, и причиняли ему постоянную боль. Более того, к 24 марта 2016 года у него отсутствовало тринадцать зубов.² Суд

² На основании документов, предоставленных заявителем.

отметил, что заявитель обращался в администрацию исправительного учреждения с просьбами установить ему подходящие зубные протезы 17 марта 2011 года, 10 июля и 7 августа 2014 года. Однако ему просто отвечали, что он может установить протезы за свой счет, но не предпринимали никаких дальнейших действий, несмотря на готовность заявителя оплатить расходы и начать прохождение этой медицинской процедуры. Власти никак не объяснили этот момент (пункт 37 постановления).

Принимая во внимание все вышесказанное, Суд не смог не прийти к заключению, что заявитель на длительные периоды времени оставался без надлежащей стоматологической помощи, что вызывало у него боль и страдания и вело к развитию более серьезного стоматологического заболевания. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 38 постановления).

запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 61443/13 *«Николаев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.), которым установлено нарушение статьи 3, пункта 2 статьи 6 и статьи 10 Конвенции.

Заявитель жаловался на предположительно чрезмерное применение силы и использование наручников в ходе его задержания полицией. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции.

Суд обратил внимание на то, что у заявителя был диагностирован вывих правого плеча и синяки на обоих запястьях, а также что он двадцать четыре дня находился на больничном из-за этих травм. Это обращение, по мнению Европейского Суда, достигло минимального уровня жестокости, требующегося, чтобы подпадать под сферу применения статьи 3 Конвенции (пункт 31 постановления).

Суд также отметил, что стороны не оспаривали тот факт, что травмы заявителя, как показали медицинские доказательства, были причинены ему во время его ареста 1 сентября 2012 года. Следовательно, вопрос, который должен быть решен, состоял в том, являлось ли применение физической силы и спецсредств (конкретно наручников) строго необходимым и не чрезмерным в обстоятельствах этого дела (пункт 32 постановления).

Суд повторил, что материальный аспект статьи 3 Конвенции требует, чтобы должным образом проведенная оценка предположительно чрезмерного применения силы определяла, была ли степень применения

силы чрезмерной с учетом соответствующих обстоятельств, таких как собственное поведение лица. В настоящем деле Суд не убедился в том, что в результате внутренней проверки, проведенной областным управлением Министерства внутренних дел, была произведена оценка, которая отвечает этому требованию, по крайней мере, по сути. Судебное разбирательство, инициированное заявителем, также не привело к устранению соответствующих недостатков. Фактически в настоящем деле властями не было сделано попыток определить пропорциональность реакции полицейских на поведение заявителя, а именно распространение листовок и использование нецензурной лексики. Даже если заявитель и пытался скрыться, он не угрожал полицейским, арестовавшим его, например, выставленным напоказ оружием или нападением на них. В любом случае внутригосударственные органы власти не смогли рассмотреть вопрос о том, могли ли для прекращения предположительно незаконного поведения заявителя быть использованы другие, менее грубые методы, чем заламывание рук с применением болевого приема и наручников (пункт 33 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что не было убедительно доказано, что применение силы и использование наручников не носило чрезмерный характер. Такое применение силы и спецсредств привело к довольно значительным травмам, которые, несомненно, причинили заявителю страдания, сопоставимые с бесчеловечным обращением (пункт 34 постановления). Следовательно, в отношении заявителя было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

Заявитель также жаловался на то, что внутригосударственное гражданское судопроизводство по его делу было несправедливым и нарушило его право на презумпцию невиновности. Он ссылаясь на статью 6 Конвенции.

Суд прежде всего повторил, что «уголовный аспект статьи 6 Конвенции был применен к производству в отношении заявителя на основании КоАП РФ...; презумпция невиновности в рамках такого судопроизводства касалась как пункта 2 статьи 6 Конвенции, так и национального законодательства» (пункт 44 постановления).

Европейский Суд отметил, что «[ж]алоба заявителя [относилась] предполагаемого нарушения его права на презумпцию невиновности в связи с формулировками, использованными в постановлении, вынесенном в рамках отдельного (гражданского) судопроизводства... [Р]айонный суд в своем решении [подчеркнул], что полицейские намеревались прекратить нарушение общественного порядка, заключавшееся в [явном] неуважении к обществу, сопровождавшемся использованием [заявителем] нецензурной лексики в общественном месте, приставанием к гражданам в оскорбительной

манере, а также отказом повиноваться распоряжению представителя власти»» (пункт 46 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «по состоянию на 17 июня 2013 года, когда было вынесено постановление об апелляции по гражданскому делу, административное производство все еще велось. Гражданские иски заявителя касательно предполагаемой незаконности действий полицейских вытекали из тех же фактов, что и факты, лежащие в основе обвинений против него по административному делу. Европейский Суд, рассмотрев формулировки, использованные гражданским судом..., [посчитал], что последние использовали формулировки, относящиеся к этому деянию, которые содержатся в статье 20.1 КоАП РФ — «нарушение общественного порядка,... явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах...»» (пункт 47 постановления).

С точки зрения Суда, это было равнозначно заявлению о том, что заявитель совершил административное правонарушение, до того, как это было доказано на основании закона. Кроме того, областной суд не смог изменить свою формулировку, рассматривая дело в апелляционном порядке, несмотря на обязанность соблюдать право заявителя считаться невиновным в отношении административного производства, которое еще велось (пункт 48 постановления).

Тем самым, по делу было допущено нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции.

Ссылаясь на статьи 10 и 11 Конвенции, заявитель жаловался, что, прекратив распространение им листовок, отвезя его в отделение полиции и подвергнув заявителя судебному преследованию за административное правонарушение, власти нарушили его права на свободу выражения и свободу мирных собраний.

Суд отметил, что «вмешательство полиции и задержание заявителя с применением силы и наручников помешало ему выражать мнения и распространять информацию и таким образом явилось вмешательством в его права, гарантированные на основании статьи 10 Конвенции... Тот факт, что судебное преследование за административное правонарушение не привело к осуждению, не меняет данного вывода» (пункт 55 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что «[с]отрудники полиции М. и Т. подошли к заявителю для проверки документов, удостоверяющих его личность. Однако внутригосударственные органы власти никогда не утверждали, что имелись причины подозревать заявителя в совершении каких-либо преступлений, или то, что он объявлялся в розыск. Они также не указывали, что имелись какие-либо причины для судебного преследования заявителя за административное правонарушение или какие-либо иные основания для задержания лица, которые могли бы оправдать проверку с целью установления личности на основании российского законодательства, а

именно статьи 13 закона «О полиции»... Даже если предположить, что имелась юридическая основа для распоряжения полицейских представить документ, удостоверяющий личность, заявителя не обвиняли в неподчинении такому распоряжению... — факт, который подвергает сомнению законность последующего вмешательства полиции. Кроме того, хотя мало что может опровергнуть вывод о том, что заявитель пытался бежать и сопротивлялся полицейским во время своего задержания, не представляется, что его доставление в отделение полиции было скорее прямым последствием его поведения в отношении полиции, а не последствием осуществления им своей свобода выражения мнения посредством распространения листовок... Власти не оспаривали, что сотрудник полиции О. проявила интерес к содержанию листовок, раздаваемых заявителем до прибытия специального наряда полиции, и что Б. хотела прекратить раздачу им листовок... В данном отношении вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения не может рассматриваться как случайное последствие полицейской операции» (пункт 56 постановления).

Суд отметил, что «Власти постоянно утверждали, что заявитель до своего задержания использовал нецензурную лексику и приставал к прохожим в оскорбительной манере. Заявитель возразил, что во время раздачи листовок он не использовал никаких выражений, которые можно было бы считать нецензурной лексикой. Действительно, то, какие именно слова предположительно произносил заявитель, и какие вменялись ему в вину, остается неясным по причине отсутствия какой бы то ни было подробной информации в протоколе об административном правонарушении или какой-либо последующей их оценки со стороны суда. Суд [посчитал], что факт использования заявителем нецензурной лексики в той степени, в какой подобное ее использование является составом административного правонарушения (что оправдывало бы его задержание и прекращение раздачи им листовок) не установлен. Внутригосударственные органы власти не дали оценку тому, каким конкретным образом заявитель приставал к прохожим, а также каким образом он их оскорблял. Они также не приняли во внимание нежелательный эффект, который имело вмешательство со стороны полиции и задержание заявителя на осуществление его свободы выражения мнения. В этом контексте Суд не [смог] не сделать вывод, что на национальном уровне не была убедительно продемонстрирована оправданность этих мер... Столкнувшись с тем, что внутригосударственные органы власти не указали причин, соответствующих и достаточных для обоснования вмешательства, Суд заключ[ил], что внутригосударственные органы власти не применили стандартов, соответствующих принципам, которые приведены в статье 10, или не основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов» (пункт 57 постановления).

Следовательно, в отношении заявителя было допущено нарушение статьи 10 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 42294/13 «*Белан и Свидерская против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.), которым Европейский Суд признал жалобы по статьям 3, 5 и 6 Конвенции неприемлемыми и постановил, что в настоящем деле в отношении каждого из заявителей было допущено нарушение статьи 11 Конвенции.

Один из заявителей жаловался в отношении того, что размер наложенного на нее административного штрафа нарушил статью 3 Конвенции.

Суд не исключил того, что ответственность государства по статье 3 Конвенции может применяться при обстоятельствах, когда заявитель, полностью зависящий от государственной поддержки, столкнулся с официальным безразличием в ситуации серьезных лишений или нужды, несовместимой с человеческим достоинством (пункт 41 постановления).

Суд отметил, что в настоящем деле заявителю было приказано оплатить штраф, более чем в три раза превышающий ее пенсию по старости. Неоплата этого штрафа могла бы повлечь судебное преследование за отдельное правонарушение на основании статьи 20.25 КоАП РФ, результатом которого является штраф за административное правонарушение в двойном размере (пункт 42 постановления).

В то же время Суд обратил внимание на то, что «национальный суд оштрафовал заявителя на минимальную возможную сумму на основании части 2 статьи 20.2 КоАП РФ. Более того, мировой судья разрешил оплатить штраф в рассрочку тремя ежемесячными платежами, что было наилучшим возможным решением на основании статьи 31.5 КоАП РФ. Действительно, конституционное [Постановление] от 14 февраля 2013 года³ делает возможным для национальных судов уменьшить штраф до суммы ниже законодательно установленного минимума. Дело было рассмотрено судами [вышестоящей] инстанции, которые посчитали, что нижестоящие суды пришли к обоснованным выводам при определении наказания для заявителя. Европейский Суд также отме[тил], что заявитель в ходе внутригосударственного судопроизводства или в ходе судопроизводства в Европейском Суде не уточняла, имеет ли она еще какой-либо иной заработок

³ Речь идет о Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко».

помимо пенсии. По крайней мере она уплатила штраф вовремя в рассрочку тремя платежами и не подверглась судебному преследованию по статье 20.25 КоАП РФ» (пункт 43 постановления).

На основании имеющегося в его распоряжении материала Суд не обнаружил «никакого указания на то, что уплата административного штрафа создавала для... заявителя ситуацию, в которой она испытывала лишения или нужду, несовместимые с человеческим достоинством. Таким образом, даже если ее ситуация была трудной, Суд [посчитал], что имеются несущественные основания для вывода о том, что второй заявитель подверглась бесчеловечному или унижающему достоинство «наказанию» в значении статьи 3 [Конвенции]. Отсюда следовало, что эта жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 44 постановления).

Первый заявитель жаловалась, что в ходе административного производства в ее отношении не были соблюдены требования справедливости, включая равноправие сторон. Она ссылалась на пункт 1 и подпункт «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Ранее Суд уже устанавливал, что уголовный аспект статьи 6 Конвенции применим к разбирательствам, связанным с обвинениями по статье 20.2 КоАП РФ. Суд не обнаружил никаких причин отступить от данного вывода в настоящем деле (пункт 57 постановления).

Европейский Суд отметил, что «[п]ункт 1 статьи 6 Конвенции требует, чтобы органы прокуратуры предъявляли защите все имеющиеся у них вещественные доказательства в пользу или против обвиняемого... Право на раскрытие соответствующих доказательств не является абсолютным. В любых производствах по уголовным делам могут иметь место конкурирующие интересы, такие как интересы государственной безопасности или необходимость защиты свидетелей от риска ответных мер или сохранения секретности методов расследования преступлений полицией, которые должны быть взвешены с учетом прав обвиняемых. В некоторых случаях может быть необходимо не раскрывать некоторые доказательства перед защитой в целях защиты основных прав другого лица или для защиты публичных интересов. Однако на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции разрешены лишь строго необходимые меры, ограничивающие права защиты. Более того, для обеспечения справедливого разбирательства по делу обвиняемого любые трудности, с которыми столкнется защита в связи с ограничением ее прав, должны быть эффективно уравновешены процедурами, которых будут придерживаться органы судебной власти... Нераскрытие стороне защиты вещественных доказательств, которые содержат такие данные, которые могут сделать возможным обвиняемому реабилитировать себя или добиться смягчения приговора составило бы отказ от средств, необходимых для подготовки защиты, и,

таким образом, нарушение права, гарантированного подпунктом «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции» (пункт 58 постановления).

В ходе судебного разбирательства заявитель обвинялась в организации не согласованного массового мероприятия в нарушение Закона о собраниях⁴. Ее линия защиты состояла в том, что до момента ее задержания 15 сентября 2012 года она проводила одиночный «пикет» и не участвовала ни в каком массовом мероприятии. Таким образом, по мнению Европейского Суда, для национальных судов было необходимым уточнить обстоятельства ее задержания, которые имели основное значение для определения обвинений по административному делу (пункт 59 постановления).

Европейский Суд отметил, что жалоба заявителя касается прежде всего предполагаемого неоказания ей помощи национальными судами при получении доказательств, которые подтверждали бы позицию защиты, а не сокрытия доказательств полицией. Действительно, не имеется достаточных доказательств для того, чтобы предположить, что полиция или иной государственный орган власти распорядились какими-либо видео- или фотоматериалами преждевременно или иным образом незаконно, в частности, с целью помешать ее раскрытию в рамках судопроизводства в отношении заявителя (пункт 60 постановления).

Суд подчеркнул, что, «отказываясь принять в качестве доказательства видеозапись, представленную представителем заявителя, суд первой инстанции удовлетворил его ходатайство о предоставлении городским управлением полиции записи с уличных камер наблюдения. Хотя неясно, почему полиция представила два противоречивых ответа, датированные 4 и 18 октября 2012 года⁵, в отношении этой записи, Суд [посчитал], что отсутствие этого доказательства уравнивалось подходом, принятым апелляционным судом в настоящем деле. Апелляционный суд не рассматривал видеозаписи, представленные представителем заявителя, на которых был изображен ряд лиц и заявитель, стоящая с плакатом... Он дал должную оценку этому доказательству и посчитал, что оно не опровергало выводы суда первой инстанции о том, что заявитель участвовала в массовом мероприятии. Заявитель не указала, могла ли запись с уличной камеры наблюдения содержать какую-либо информацию, отличающуюся от той, которая была на видеозаписи, представленной ее представителем, или могла

⁴ Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

⁵ «4 октября 2012 года заместитель городского управления полиции ответил, что записи с одной камеры «сохранены», и предложил судье предоставить носитель электронной информации, на который можно скопировать записи. Однако 18 октября 2012 года исполняющий обязанности начальника дежурной части городского управления полиции информировал судью о том, что записи с уличных видеокamer предоставить невозможно, поскольку они не были архивированы из-за сбоя в системе архивации, а также «поскольку городские камеры не работали»» (пункт 15 постановления).

каким-либо иным образом подкрепить ее позицию по делу» (пункт 61 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что «суд первой инстанции удовлетворил ходатайство представителя заявителя и отдал распоряжение, чтобы соответствующий орган власти предоставил фотографии, сделанные его должностными лицами 15 сентября 2012 года, однако это распоряжение не увенчалось успехом. Действительно, было неясно, почему управление полиции ответило, что в этот день на месте проведения публичного мероприятия не делалось никаких фотографий, с учетом свидетельских показаний офицера полиции А. Однако Суд не [убедился] на основании предположений заявителя в том, что эти фотографии могли быть важнейшим доказательством в ходе судебного разбирательства в ее отношении. Он отме[тил], что суд первой инстанции уже посмотрел видеозапись, предположительно сделанную полицией 15 сентября 2012 года, на которой была запечатлена стоящая с плакатом заявитель, затем читающая документ заявитель и З., держащий плакат над головой. Несмотря на тот факт, что суд объявил эту видеозапись неприемлемым доказательством, события, показанные на ней, были также описаны свидетелями О. и З. в их показаниях, данных в ходе судебного разбирательства и слушаниях по апелляции. Заявителю была предоставлена возможность ее эффективного оспаривания. Европейский Суд не [смог] [по]строить предположения о том, могли ли на фотографиях, о которых идет речь, быть изображены иные события, нежели те, которые были изображены на видеозаписях. Однако он не может считать, что получение этих фотографий имело важнейшее значение для защиты заявителя. Она не продемонстрировала, каким образом эти фотографии могли помочь ей доказать, что она проводила одиночное пикетирование, а не принимала участие в массовом мероприятии» (пункт 62 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что внутригосударственные суды исчерпали все разумные возможности для установления обстоятельств, лежащих в основе обвинения против заявителя, и предоставили ей разумную возможность на эффективную защиту в рамках судебного разбирательства в сентябре – ноябре 2012 года, а также в рамках апелляционного производства. Наконец, заявитель пользовалась помощью представителя, а также находилась не под стражей, и для ее доступа к материалам дела не чинилось никаких препятствий. Административное производство полностью соответствовало требованию справедливости. Отсюда следует, что эта жалоба является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции (пункт 63 постановления).

Заявители также жаловались на то, что действия властей в их отношении являлись незаконным и непропорциональным вмешательством в

их права на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний. Они ссылались на статьи 10 и 11 Конвенции.

Обращаясь к выводам, сделанным в постановлении по делу *Новикова и других против Российской Федерации*, Суд отметил, что, «хотя в июне 2012 года в Закон о публичных мероприятиях были внесены изменения, устанавливающие, что между не связанными между собой одиночными пикетами должна соблюдаться дистанция, к 15 сентября 2012 года областная законодательная власть еще не осуществила свои полномочия по определению соответствующей минимальной дистанции... Таким образом, демонстранты, проводящие одиночное пикетирование (такие, как заявители — согласно утверждениям заявителей) не могли при осуществлении своей свобода выражения мнения опираться на предсказуемую нормативно-правовую базу, которая, в то же время, имела потенциал для вмешательства в эту свободу посредством классифицирования определенного поведения или бездействия как правонарушения в связи с нарушением требования об уведомлении, содержащемся в Законе о публичных мероприятиях» (пункт 68 постановления).

Суд принял к сведению выводы внутригосударственных судов о том, что заявители проводили массовое публичное мероприятие в форме «пикета» без предварительного уведомления. Он отметил, что, в той мере, насколько важно было убедиться в том, что заявители проводили одиночное «собрание» совместно с другими лицами (в настоящем деле также и совместно друг с другом), тот же самый мировой судья рассматривал дела обоих заявителей, заслушивал как свидетелей обвинения, так и свидетелей защиты, и давал оценку всем имеющимся свидетельским показаниям. Однако, даже если признать, что заявители действительно проводили массовое публичное мероприятие, а не одиночное пикетирование, и что власти таким образом осуществили вмешательство в их право на мирное собрание, Суд посчитал, что обстоятельства дела все же указывают на нарушение статьи 11 Конвенции, толкуемой в свете статьи 10 Конвенции (пункт 69 постановления).

Ввиду вывода Суда о том, что заявители проводили массовое публичное мероприятие, он посчитал, что вмешательство властей заключалось в прекращении участия заявителей в этом мероприятии, их задержании на месте проведения мероприятия и признании их виновными в административном правонарушении. Подобное вмешательство представляет собой нарушение статьи 11 Конвенции, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 этого положения, а также если оно не является «необходимым в демократическом обществе» (пункт 70 постановления).

Суд неизменно устанавливал нарушение статьи 11 Конвенции в ситуации, при которой участники публичного собрания задерживались и признавались виновными в административных правонарушениях по той

единственной причине, что российские органы государственной власти считают их публичное собрание неразрешенным. Оценив пропорциональность вмешательства в этих делах, в отсутствие каких-либо актов насилия со стороны участников демонстрации, Суд не усматривал «насуточной социальной потребности» в их задержании и осуждении за совершение административного правонарушения (пункт 71 постановления).

С учетом вынесенных на национальном уровне [судебных] решений и иных предоставленных сторонами материалов, Суд не установил каких-либо обстоятельств или доводов, которые бы позволили ему прийти к иному выводу в настоящем деле. Суд отметил, что оба заявителя были задержаны и привлечены к административной ответственности в виде существенных штрафов за проведение массового публичного мероприятия без предварительного уведомления. Не предполагалось, что они проявляли агрессивное поведение или иным образом нарушали мир и общественный порядок. Власти также не объяснили, почему они предпочли не позволить демонстрантам, в том числе заявителям, завершить свое собрание и не наложили на них разумный штраф на месте или позже. Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что в настоящем деле в целом реакция внутригосударственных органов власти в отношении свободы собраний заявителей не была «необходимой в демократическом обществе» (пункт 72 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 31475/10 «*Анненков и другие против Российской Федерации*» (вынесено 25 июля 2017 г., вступило в силу 25 октября 2017 г.), которым было установлено нарушение статей 3 и 11 Конвенции.

Четверо заявителей обратились с жалобой о том, что они подвергались жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, и что по этому поводу не было проведено надлежащее расследование в нарушение статьи 3 Конвенции.

Суд напомнил, что статья 3 Конвенции категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, ненадлежащее обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, оценка которого зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность такого обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (пункт 78 постановления).

Европейский Суд вновь отметил, что «[в] отношении лица, лишённого свободы, любое применение физической силы, которое не являлось строго необходимым в связи с его поведением, унижает человеческое достоинство и представляет собой нарушение права, закреплённого в статье 3 Конвенции...

В отношении применения физической силы во время ареста Суд ранее указывал на то, что статья 3 Конвенции не запрещает применение силы для ареста на законных основаниях, но что применение такой силы не должно быть чрезмерным..., и что «такая сила должна применяться только в случае крайней необходимости, и ее применение не должно носить чрезмерный характер»... В любом случае, Суд повтор[ил], что в отношении лиц, лишенных свободы, либо, в более широком понимании, при конфликтах с сотрудниками правоохранительных органов, применение физической силы, которое не являлось строго необходимым ввиду поведения таких лиц, унижает человеческое достоинство и является нарушением права, закреплённого в статье 3 Конвенции» (пункт 79 постановления).

Суд повторил, что, «в силу своей субсидиарной роли, он со всей осторожностью должен относиться к случаям, когда он берет на себя роль суда первой инстанции, если такая ситуация является неизбежной вследствие обстоятельств конкретного дела. Суд постановлял при различных обстоятельствах, что, если имело место судебное разбирательство на национальном уровне, в задачу Суда не входит подмена своей собственной оценкой фактов оценки национальных судов, и, как правило, именно национальные суды должны оценивать представленные им доказательства.... Хотя Суд и не связан выводами национальных судов, в обычных условиях ему необходимы убедительные доводы для того, чтобы отойти от фактов, установленных этими судами» (пункт 80 постановления).

«В то же время, подчеркнул Суд, в соответствии со статьей 19 Конвенции [его] обязанность... заключается в обеспечении соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции. В случае подачи жалоб на нарушение требований статьи 3 Конвенции Суд обязан провести исчерпывающее рассмотрение» (пункт 81 постановления).

Было обращено внимание на то, что «[п]ри оценке доказательств в делах, касающихся статьи 3 Конвенции, Суд, как правило, применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений». Однако Суд никогда не ставил цель применять подход национальных правовых систем, использующих тот же стандарт. Роль Суда состоит не в разрешении вопроса о виновности в совершении преступления или о гражданской ответственности, а в определении ответственности Договаривающихся Сторон в рамках Конвенции. Специфика его задачи в соответствии со статьей 19 Конвенции — обеспечение соблюдения Договаривающимися Сторонами их обязательств по... уважению[ю] основных прав, закрепленных в Конвенции — обуславливает его подход к вопросам доказательств и доказывания. В производстве в Суде не существует процессуальных барьеров для признания приемлемости доказательств или predetermined формулы для их оценки. Суд делает выводы, которые, по его мнению, подкреплены свободной оценкой всех доказательств, включая предположения на основе

фактов и представленные сторонами материалы. В соответствии со сложившейся практикой, такой критерий доказывания может следовать из совокупности достаточно веских, ясных и согласованных предположений или похожих неопровержимых фактических презумпций. Более того, уровень убедительности, необходимый для получения конкретного заключения, и, в связи с этим, распределения бремени доказывания, по сути, связаны со спецификой фактов, характером утверждений и имеющими отношение к делу правами, закрепленными в Конвенции. Суд также со всей серьезностью относится к решению о том, что Договаривающаяся Сторона нарушила основополагающие права» (пункт 82 постановления).

Между сторонами не было разногласий по поводу того, что 7 августа 2009 года заявителям были нанесены телесные повреждения. Стороны также соглашались с тем, что такие повреждения были нанесены во время арестов, и что сотрудники милиции тем или иным образом были причастны к данной ситуации.

Суд отметил, что в настоящем деле милиция действовала в контексте ситуации, при которой имелся конфликт между относительно большой группой предпринимателей и администрацией рынка, - ситуацией, при которой первые в некотором роде осуществили «захват» территории рынка (пункт 86 постановления).

Суд указал, что «[з]аявители получили телесные повреждения в ходе этой проводимой сотрудниками правоохранительных органов операции, которая осуществлялась с целью решить вопрос постоянного присутствия заявителей на территории рынка. В распоряжении Суда мало объективной информации относительно обстоятельств, при которых милиция действовала утром 7 августа 2009 года. Никакие обстоятельства настоящего дела не свидетельств[овали] об особой срочности этой операции. Так, властям следовало спланировать свою операцию Хотя неясно, получали ли органы власти уведомление о «собрании», и требовалось ли такое уведомление вообще..., ясно то, что милиции было известно о ситуации на рынке задолго до ее вмешательства, состоявшегося 7 августа 2009 года» (пункт 78 постановления).

Суды первой инстанции при рассмотрении административных дел в отношении заявителей посчитали, что последние не повиновались распоряжениям милиции. Однако эти судебные решения были впоследствии отменены в апелляционном порядке, *inter alia*, из-за отсутствия точности в отношении обстоятельств, при которых отдавались распоряжения или имело место неповиновение распоряжениям, обстоятельств, относящихся к применению силы и доставлению заявителей в отделение милиции. В имеющихся решениях, в частности постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 9 ноября 2009 года, не уточняется, сопротивлялись ли заявители аресту и каким образом. В них также не содержится никакого

альтернативного, удовлетворительного или убедительного объяснения телесных повреждений заявителей (пункты 88-89 постановления).

С учетом вышеуказанных факторов и недостатков внутригосударственного расследования Суд пришел к выводу, что ему не было представлено убедительных доказательств того, что применение физической силы сотрудниками милиции, повлекшее относительно серьезные телесные повреждения, не было чрезмерным. Последствием такого применения силы были телесные повреждения, причинившие заявителям страдания такого рода, какие приравниваются к бесчеловечному обращению (пункт 90 постановления). Соответственно, обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о нарушении статьи 3 Конвенции в связи с чрезмерным применением силы в отношении четырех заявителей.

Что касается вопроса о предполагаемом отсутствие эффективного расследования, то Европейский Суд напомнил, что, «если лицо предьявляет небезосновательную жалобу о том, что в нарушение статьи 3 Конвенции оно подверглось крайне жестокому обращению со стороны представителей государства, по данному факту должно быть проведено тщательное и эффективное расследование» (пункт 92 постановления). При этом, «[н]есмотря на то, что не каждое расследование обязательно должно вести к выводу, совпадающему с версией событий истца, любое расследование должно быть в принципе способно привести к установлению обстоятельств дела и, если обвинения подтвердятся, к установлению и наказанию виновных» (пункт 93 постановления).

По мнению Суда «[р]асследование таких обвинений в жестоком обращении должно быть проведено тщательно. Это означает, что власти всегда должны тщательно пытаться установить хронику событий и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования по делу или для вынесения решений... Они должны предпринимать все доступные им разумные меры для того, чтобы обеспечить наличие доказательств происшедшего, включая показания очевидцев и заключения судебной экспертизы... Кроме того, Суд часто оценивал оперативность реагирования властей на жалобы в период, относящийся к обстоятельствам дела, придавая значение дате начала расследования, задержкам в сборе показаний и количеству времени, потребовавшемуся для завершения расследования... Любой недостаток расследования, снижающий вероятность установления причины телесных повреждений или личностей виновных, может привести к нарушению применимого стандарта» (пункт 94 постановления).

Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд напомнил, что травмы заявителей и связанные с этим утверждения заявителей (в том числе касающиеся унижающего человеческого достоинство обращения) в адрес сотрудников милиции были достаточно серьезными для того, чтобы был достигнут «минимальный уровень жестокости», наличия которого требует

статья 3 Конвенции. Кроме того, утверждения заявителя являлись «небезосновательными» и, следовательно, требовали проведения расследования национальными органами власти (пункт 95 постановления).

Суд принял к сведению тот факт, что расследование было проведено. В ходе дополнительных проверок были предприняты усилия по выявлению и исправлению отдельных недостатков первоначально проведенной доследственной проверки (пункт 96 постановления).

Однако находящиеся в распоряжении Суда материалы не указывали на то, что «следственный орган предпринимал какие-либо усилия для оценки медицинских доказательств, представленных заявителями, или добивался последующей медицинской оценки. Следственный орган также не проводил сравнительной оценки изложения событий заявителями, либо сравнительной оценки каждого изложения и имеющихся доказательств, таких как медицинские доказательства и прочие свидетельства. Не было проведено никакой оценки в отношении ареста кого-либо из заявителей в том, что касается соотношения между полученными телесными повреждениями и характером и интенсивностью оказанного сопротивления (при наличии такового)» (пункт 97 постановления).

По мнению Суда «следственным органом не было предпринято добросовестной попытки точно установить, в чем заключалось такое противодействие, или скорее сопротивление (попытка побега, использование нецензурной лексики, применение силы или какие-либо другие формы сопротивления), или точно определить видение ситуации сотрудниками правоохранительных органов, их фактическую реакцию на эту ситуацию, а также пропорциональность такой реакции. Несмотря на достаточно конкретные утверждения заявителей, национальные власти не предоставили правдоподобных объяснений относительно обстоятельств, при которых заявителям были нанесены их травмы» (пункт 98 постановления).

Как подчеркнул Суд, «[н]ельзя сказать, что при доследственной проверке применялся подход, требуемый на основании статьи 3 Конвенции, для установления, носило ли применение силы сотрудниками правоохранительных органов чрезмерный характер, и подвергался ли кто-либо из заявителей унижающему достоинство обращению во время ареста (например, хватали ли его сотрудники за одежду, или тянули за волосы, тащили по земле, как утверждали некоторые заявители)» (пункт 100 постановления).

Суд посчитал, что расследование в отношении четырех заявителей не в полной мере отвечало требованиям статьи 3 Конвенции.

Все заявители также жаловались на нарушение их права на свободу мирных собраний. Они ссылались на статью 11 Конвенции.

Суд повторил, что «право на свободу собрания является фундаментальным правом в демократическом обществе и, как и право на

свободу выражения мнения, составляет одну из основ такого общества. Следовательно, его не следует толковать ограничительно... Это право как таковое применяется в отношении и частных «собраний», и «собраний» в общественных местах, будь то статических или в форме процессии; кроме того, оно может осуществляться отдельными участниками и лицами, организующими собрание... Статья 11 Конвенции только защищает право на свободу мирных собраний - понятие, не включающее демонстрацию, организаторы и участники которых имеют насильственные намерения. Поэтому гарантии статьи 11 применимы к собраниям, за исключением тех собраний, организаторы и участники которых имеют такие намерения, подстрекают к насилию или иным образом отвергают основы демократического общества» (пункт 122 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что по настоящему делу «каждый заявитель в соответствующую дату осуществлял свое право на свободу собраний. Кроме того, у Суда не имеется оснований сомневаться, что события 7 и 10 августа 2009 года были равнозначны «собранию» в значении пункта 1 статьи 11 Конвенции. Отмечается, что поведение заявителей по существу состояло в захвате земли и помещений, которые, по-видимому, в то время представляли собой частную собственность, и, в частности, ночью. Заявители называли свои действия коллективными «ночными дежурствами» или «собранием». Действительно, в отношении некоторых заявителей внутригосударственные суды упоминали, что мероприятие 7 августа 2009 года было «собранием»» (пункт 123 постановления).

Также было отмечено, что «(по крайней мере применительно к событиям 10 августа 2009 года), по-видимому, протестующие вели себя таким образом, чтобы помешать представителям администрации рынка получить доступ на рынок; они также участвовали в драке с охранниками из частной компании, присутствовавшими на месте наряду с милицией. Эти обстоятельства не были должным образом тщательно рассмотрены во время производства по административным делам или доследственной проверки в отношении уголовного [правонарушения]. Стороны также не представили Суду никакой конкретной информации по вышеуказанным вопросам. Нельзя сказать, что национальные власти ставили заявителям в вину какие-либо конкретные насильственные действия или какие-либо намерения по осуществлению насильственных действий. В этой связи Суд повтор[ил], что физическое лицо не может быть лишено права на участие в мирных собраниях в результате единичных актов насилия или совершения других наказуемых деяний в процессе демонстрации, если сохраняет мирные намерения или поведение.... Возможность участия в демонстрации лиц, имеющих намерения совершить насильственные действия и не являющихся членами организующей ассоциации, не может служить основанием для лишения этого права... Даже если существует реальная угроза того, что

публичная демонстрация выльется в беспорядки вследствие развития событий, которые организаторы не в состоянии контролировать, такая демонстрация не выходит за рамки действия пункта 1 статьи 11, однако любые ограничения, наложенные на такое собрание, должны отвечать требованиям пункта 2 данной статьи» (пункт 124 постановления).

Суд установил, что «[х]отя события 7 и 10 августа 2009 года произошли в обстановке напряжения и конфликта с применением силы, не было установлено, что поведение заявителей содержало признаки насильственных действий. В частности, хотя и имеются некоторые факты, указывающие на драку 10 августа 2009 года между некоторыми из протестующих и охранниками, являвшимися сотрудниками частного охранного предприятия..., ничто не указывает на личное участие Б. в этой драке и на наличие иных признаков насильственных действий в его поведении. В решении суда апелляционной инстанции в отношении Х. упоминается, что он «схватил [сотрудника правоохранительных органов] за форму и пытался скрыться»... Однако это решение не содержит никакой конкретной оценки обвинения в неповиновении законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов ввиду фактических утверждений. По мнению Европейского Суда, данного факта недостаточно для заявления о неприменимости статьи 11 Конвенции. Так, насильственное прекращение участия в собрании (в отношении четверых заявителей), а также судебное преследование и осуждение (четверых других заявителей) в связи с этими событиями было равноценно вмешательству в их право на свободу мирных собраний» (пункт 125 постановления).

Суд не посчитал, что вменяемое им в вину проведение «собрания», за которое некоторые из заявителей были привлечены к ответственности, было такого рода и в такой степени, чтобы их участие в демонстрации лишило защиты их права на свободу мирных собраний согласно статье 11 Конвенции (пункт 126 постановления).

«[Ч]то касается создающего препятствия образа действий (а именно ночные бдения в помещениях рынка лиц, которые арендовали места на рынке или были наемными сотрудниками работающих там бизнесменов), хотя это нередко происходит в контексте осуществления свободы собраний в современном обществе, Суд отме[тил], что физическое поведение, явным образом создающее препятствия для транспорта и обычной жизнедеятельности с целью серьезной дестабилизации деятельности, осуществляемой другими лицами, не лежит в основе этой свободы, защищаемой статьей 11 Конвенции. Такое положение дел может и не иметь возможных последствий при рассмотрении вопроса о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе» в значении второго пункта статьи 11» (пункт 127 постановления).

С учетом изложенного, Суд пришел к выводу о том, заявители имеют право опираться на гарантии статьи 11, и что имело место «вмешательство» в

их свободу мирных собраний. И как неоднократно ранее подчеркивал Европейский Суд, «[т]акое вмешательство составит нарушение статьи 11 Конвенции, если оно не «предусмотрено законом» и не преследует одну или несколько законных целей, упомянутых в пункте 2, и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения одной из этих целей» (пункт 129 постановления).

Суд привел следующие общие принципы (в том виде, в каком они кратко сформулированы Судом по делу *«Кудревичюс и другие против Литвы»*), явившиеся актуальными для настоящего дела:

«(а) Право на свободу мирных собраний, одного из фундаментальных принципов демократического общества, зависит от ряда исключений, которые должны быть строго истолкованы, а необходимость любых ограничений должна быть убедительно доказана. При рассмотрении вопроса о том, можно ли считать ограничение прав и свобод, гарантированных Конвенцией, «необходимыми в демократическом обществе» Договаривающиеся Государства пользуются определенной, но не неограниченной свободой усмотрения.

(б) Когда Суд дает собственные оценки, его задача состоит не в том, чтобы заменить своей собственной точкой зрения позицию национальных властей, а в том, чтобы рассмотреть в рамках Статьи 11 принятые ими решения. Это не означает, что он должен ограничиваться установлением того, осуществило ли государство-ответчик свое усмотрение разумно, тщательно и добросовестно; он должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете всего дела в целом и определить — после установления того, что оно преследовало «разумную цель», — отвечало ли оно «насушной социальной необходимости» и, в частности, было ли оно соразмерным этой цели, и были ли причины, приведенные национальными властями для его обоснования, «существенными и достаточными». При этом Суду приходится доказывать самому, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, закрепленными в статье 11 и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке относящихся к делу фактов.

(в) Свобода собраний, закрепленная в Статье 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут раздражать или быть неприемлемыми по отношению к людям, взгляды которых противоположны идеям или требованиям, выдвигаемым при этом. Любые меры для вмешательства в свободу собраний и свободу выражения мнения, за исключением случаев подстрекательства к насилию или отрицания демократических принципов - какими бы шокирующими и неприемлемыми ни казались властям определенные взгляды или слова, - наносят ущерб демократии и часто даже ставят ее под угрозу. Характер и серьезность налагаемого наказания также являются факторами, которые должны приниматься во внимание при оценке пропорциональности вмешательства в отношении преследуемой цели. В том случае, если санкции, применяемые к демонстрантам, носят уголовный характер, они требуют особенного обоснования. В частности, мирная демонстрация не должна делаться предметом угрозы применения уголовных санкций, особенно лишения свободы. Так, Суд должен с особой тщательностью рассматривать дела, в которых санкции, наложенные национальными властями за ненасильственные действия, связаны с тюремным заключением (там же, пункты 144-46, с дополнительными ссылками).

(г) Неправомерная ситуация, такая как организация демонстрации без предварительного разрешения или уведомления, не обязательно (сама по себе) оправдывает вмешательство в право лица на свободу собраний. В то время как правила, регулирующие публичные собрания, такие как система предварительного уведомления о

таковых, являются важными для беспрепятственного проведения общественных мероприятий, так как они позволяют властям свести к минимуму перебои в работе транспорта и принять прочие меры безопасности, их принудительное исполнение не может являться самоцелью. В частности, тогда, когда демонстранты не производят насильственных действий, важно, чтобы государственные органы демонстрировали определенную степень толерантности по отношению к мирным собраниям, если свобода собраний, гарантированная Статьей 11 Конвенции, не будет лишена своего истинного смысла.

(д) Отсутствие предварительной санкции и последующая «незаконность» деяния не дает властям *carte blanche*; они по-прежнему ограничены требованием пропорциональности Статьи 11. Таким образом, в первую очередь следует установить, почему проведение демонстрации не было разрешено, какие общественные интересы были под угрозой, и какие риски представляла собой демонстрация. Методы, использованные милицией в целях препятствия протестующим - содержания их в определенном месте или разгона демонстрации, - также являются важным фактором при оценке соразмерности вмешательства.

(е) Любая демонстрация в общественном месте может привести к определенному уровню дестабилизации повседневной жизни, например к перебоям в работе транспорта. Но этот факт сам по себе не оправдывает вмешательства в право на свободу собраний, поскольку для органов государственной власти важно продемонстрировать определенную степень толерантности. Надлежащая «степень терпимости» не может быть определена *in abstracto*: необходимо рассмотреть определенные обстоятельства дела и, в особенности, степень «нарушения обычной жизни». В таком случае важно, чтобы ассоциации и иные лица, занимающиеся организацией демонстраций — являясь участниками демократического процесса — уважали правила, регулирующие этот процесс, посредством соблюдения действующих законодательных положений» (пункт 131 постановления).

Что касается А., С., Г. и З., то вышеизложенные выводы о необоснованном применении против них силы достаточны для Суда, чтобы заключить, что имело место также и непропорциональное «вмешательство» в значении статьи 11 Конвенции, в частности в том, что касается последующего прекращения их собрания (пункт 132 постановления).

Что касается Х., то суд апелляционной инстанции при вынесении обвинительного приговора⁶, как подчеркнул Европейский Суд, основывался на том факте, что определенные предприниматели мешали представителям администрации рынка войти в здание и отказались прекратить свои действия. Внутригосударственный суд не утверждал, со ссылкой на доказательства, что заявитель лично участвовал в этих конкретных действиях. Он также не пояснил с достаточной точностью, каким образом протест подобного рода ставил под угрозу общественную безопасность или общественный порядок. Даже если предположить, что заявитель действительно «хватал сотрудника правоохранительных органов за форму», как было изначально упомянуто в решении суда апелляционной инстанции, один лишь этот факт сам по себе не представляется достаточным для оправдания наказания в виде пятидневного

⁶ Здесь и далее, если иное не следует из контекста излагаемого материала, речь идет о судебном акте, связанным с привлечением лица к административной ответственности.

содержания под стражей в контексте осуществления заявителем своей свободы собраний (пункт 133 постановления). Соглашаясь с тем, что 7 августа 2009 года Х. принял участие в «собрании» в значении Закона⁷, внутригосударственные суды не уточнили, какие именно требования, установленные для организаторов и/или участников, были нарушены. Например, не была уточнена необходимость предварительного уведомления применительно к данному делу, и если таковая существовала, то было ли требование об уведомлении соблюдено (пункт 134 постановления).

Европейский Суд установил, что «суды отклонили показания тех очевидцев, которые свидетельствовали в пользу заявителей, просто указав, что такие свидетели являлись коллегами заявителей, и что вина заявителей подтверждалась другими показаниями, такими как письменные рапорты сотрудников правоохранительных органов. В то же время протоколы судебных решений не указывают на... стрем[ление] установить соответствующие факты на основании сравнительной оценки противоречащих друг другу показаний и/или рассмотрения противоположных показаний в открытом судебном заседании посредством допроса соответствующих лиц» (пункт 135 постановления).

Что касается Б., то Суд не упустил из внимания то, что его доводы, приведенные в судах, в отношении его свободы мирных собраний, были довольно краткими, и что в судебном заседании он не настаивал на заслушивании свидетелей (таких, как арестовывавшие его сотрудники правоохранительных органов или старшие офицеры, командовавшие сотрудниками), за исключением одного свидетельствовавшего против него лица и, впоследствии, на апелляционном слушании, - одного лица, свидетельствовавшего в его пользу. Однако это не освобождало национальные власти от обоснования обвинительного приговора или от приведения достаточных причин для «вмешательства» на основании статьи 11 Конвенции (пункт 137 постановления).

Суд отметил, что «судебные решения в отношении Б. не содержа[ли] уточнений об относящихся к делу правовых элементах, в частности, о том, в чем именно состояло его нарушающее общественный порядок поведение или «неповиновение» законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов, или о том, почему суды сочли его «одним из активных участников». В решениях также не уточня[лось], о чем было распоряжение, данное сотрудником правоохранительных органов, и было ли оно законным, в частности с точки зрения Закона «О публичных мероприятиях» и Закона «О милиции». В частности, хотя и име[лись] некоторые факты, указывающие на драку между некоторыми из протестующих и охранниками, являвшимися сотрудниками частного охранного предприятия, ничто не указыва[ло] на

⁷ Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

личное участие самого заявителя в этой драке и на наличие иных признаков насильственных действий в его поведении. Национальные органы власти также не дали оценку того, являлось ли предположительное препятствование лицам из администрации рынка входить в здание законным осуществлением его права на «мирное собрание»..., или указывали ли фактические обстоятельства на существование «публичного мероприятия», в отношении которого действовали требования о предварительном уведомлении на основании Закона «О публичных мероприятиях». В действительности, если бы это являлось публичным мероприятием в форме «собрания» (то есть, совместным присутствием граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов), по-видимому, российское законодательство не требовало бы предварительного уведомления органов власти... Это являлось значительным и правовым аспектом дела, который не был должным образом рассмотрен на внутригосударственном уровне» (пункт 138 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «[з]аявители обращали особое внимание на недостатки аргументации, приведенной национальными властями. Обе стороны просили Суд о повторном рассмотрении соразмерности «вмешательства», в то же время не приходя к согласию относительно определенных обстоятельств, значимых для такой оценки. Суд, со своей стороны, не [посчитал], что причины, приведенные национальными властями в оправдание «вмешательства» в соответствии со статьей 11 Конвенции, были достаточными в то время для того, чтобы [назначит наказание] четверы[м] заявител[ям]... [в виде] административно[го] арест[а]. Учитывая, что внутригосударственные суды не смогли привести причин, которые были бы достаточными и существенными для оправдания вмешательства, Суд при[шел] к выводу, что нельзя считать, что внутригосударственные суды «применяли стандарты, которые соответствуют принципам [с]татья 11» или «основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов»» (пункт 139 постановления).

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

(а) в отношении А., Г., З. и С. в связи с насильственным прекращением их участия в собрании 7 августа 2009 года;

(б) в отношении Х., Ф. и Х. в связи с прекращением их участия в собрании 7 августа 2009 года и их привлечением к ответственности за совершение административного правонарушения; а также

(в) в отношении Б. в связи с прекращением его участия в собрании 10 августа 2009 года и его привлечением к ответственности за совершение административного правонарушения.

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 36801/09 «*Капустин против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 г.), которым было установлено нарушение статей 5 и 10 Конвенции.

Заявитель жаловался согласно статьям 5, 10 и 11 Конвенции на незаконное и неоправданное прерывание его одиночного пикетирования, его незаконное доставление в отделение полиции и удерживание там без составления протокола.

Стороны разошлись во мнения относительно того, был ли заявитель «лишен свободы» в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако, «[д]ля того, чтобы установить, имело ли место лишение свободы, отправной точкой в оценке Суда является конкретная ситуация, в которой оказалось соответствующее лицо; при этом необходимо учесть весь спектр факторов, возникающих в данном деле, например, тип, продолжительность, последствия и способ осуществления рассматриваемой меры. Различие между лишением и ограничением свободы проявляется лишь в степени или интенсивности, а не в природе меры или ее характере... Защита против произвольного задержания, предусмотренная пунктом 1 статьи 5 Конвенции, применяется к лишению свободы любой продолжительности, каким бы кратким оно ни было» (пункт 22 постановления).

Европейский Суд отметил, что право на свободу является крайне важным в «демократическом обществе» в значении Конвенции для лица, теряющего право на защиту Конвенции по той единственной причине, что оно покорилось и было заключено под стражу. Заключение под стражу может являться нарушением статьи 5 Конвенции, даже если соответствующее лицо согласилось с таковым (пункт 23 постановления).

Суд обратил внимание на то, что заявитель утверждал о своем желании не прекращать пикетирование и об отсутствии склонности проследовать в отделение полиции; что он был запуган и вынужден был подчиниться «предложению» сделать это, опасаясь, что отказ идти с сотрудником полиции Т. в отделение мог стать основанием для привлечения его к ответственности за правонарушение согласно статье 19.3 КоАП РФ (пункт 24 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что заявитель был лишен свободы в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции (пункт 27 постановления). Ввиду этого Суд должен был далее убедиться, соответствовало ли лишение свободы требованиям пункта 1 статьи 5. В этой связи он напомнил, что список

исключений в отношении права на свободу, перечисленный в пункте 1 статьи 5, является исчерпывающим и только узкое толкование этих исключений согласуется с целью этого положения, а именно, обеспечить, чтобы никто не был лишен свободы произвольно (пункт 28 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что «лишение заявителей свободы не подпадало под подпункты «а», «d», «е» и «f» пункта 1 статьи 5. Также оно не охватывалось подпунктом «b», поскольку отсутствовали доказательства того, что заявитель не исполнил вынесенное в соответствии с законом решение суда или обязательство, предусмотренное законом. Оста[валось] определить[ся], могло ли лишение свободы относиться к сфере действия подпункта «с»» (пункт 29 постановления).

Суд отметил, что «[з]аявитель официально не подозревался и не обвинялся в каком-либо правонарушении... и в его отношении не было возбуждено уголовное или административное дело. Отказываясь привлечь сотрудника полиции Т. к ответственности, следователь полагал, что последний мог подозревать, что заявитель совершил (неуказанное) правонарушение. Однако, для такого предположения не было никакого фактического основания, в том числе, в показаниях самого Т., как было указано в решении следователя. Единственной причиной для того, чтобы подойти к заявителю, и для совершения последующих действий была необходимость «выяснить возможность для него продолжать демонстрацию», что не представляло собой «обоснованное подозрение» в совершении им конкретного «правонарушения». Суд также отме[тил], что [в отношении заявителя] не были составлены протокол об административном правонарушении, протокол о доставлении или административном задержании» (пункт 30 постановления).

По мнению Суда, «лишение заявителя свободы» не могло быть осуществлено «с целью доставления [его] в компетентный судебный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления» по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции или «для предупреждения совершения преступления» (пункт 31 постановления).

Суд установил, что лишение свободы, которому был подвергнут заявитель, не имело каких-либо законных целей согласно пункту 1 статьи 5 и было произвольным (пункт 32 постановления). Суд пришел к выводу, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

По тем же причинам Суд посчитал, что прерывание пикетирования заявителя явилось «вмешательством» в его право на свободу выражения. Задержание и содержание под стражей протестующих может составлять вмешательство в право на свободу выражения мнения. Ничто не указывало на то, что демонстрация заявителя была незаконной (или, по крайней мере, могла восприниматься как незаконная) или что имелась иная веская причина для вмешательства полиции в ее проведение. Таким образом, рассматриваемое вмешательство не было «необходимым в демократическом

обществе» согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции. Следовательно, имело место также нарушение данной статьи (пункт 34 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 36801/09 *«Калямин против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 23 июля 2019 г.), которым было установлено нарушение пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции.

Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции на незаконное и произвольное лишение свободы. Ссылаясь на пункт 5 статьи 5 и статью 13 Конвенции, заявитель также утверждал, что не имелось доступных компенсационных средств правовой защиты, и, в первую очередь, что процедура рассмотрения уголовных жалоб, включая этап судебного пересмотра в отношении отказа от судебного преследования, не предусматривала для него эффективное средство правовой защиты в отношении административного доставления, поскольку соответствующее дознание не было проведено достаточно тщательным образом.

Суд посчитал, что помещение заявителя и содержание его под стражей в автобусе, последующее доставление и его присутствие в отделении полиции 24 марта 2007 года представляли собой «лишение свободы». Ничто не говорило о том, что, по сути и / или с учетом требований российского законодательства, 24 марта 2007 года заявитель мог свободно принять решение не следовать за полицейскими до отделения, или, оказавшись там, в любой момент уйти без негативных последствий. Заявитель был физически принужден полицией и не мог покинуть автобус, а затем и отделение полиции, без разрешения (пункт 63 постановления).

Суд пришел к выводу о том, что на протяжении всех событий указанного дня присутствовал элемент принуждения, который, несмотря на незначительную продолжительность процедуры, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Суд согласился с Властями в том, что Закон о полиции 1991 года обеспечил правовую основу для применения полицией таких мер, как доставление лица в отделение полиции. Однако, как посчитал Европейский Суд, это может быть сделано только в конкретном контексте и / или с конкретной целью, например, для установления личности лица или, как указано в статьях 27.1 и 27.2 КоАП РФ, для составления протокола об административном правонарушении, когда «это не может быть сделано на месте» (пункт 75 постановления).

Суд отметил, что «[н]ичто не [свидетельствовало] о том, что полицейские не имели полномочий для составления протокола о правонарушении на месте... и, прежде всего, что без доставления заявителя в отделение полиции было «невозможно» «выявить правонарушение, установить его личность, обеспечить надлежащее и своевременное рассмотрение дела и исполнение окончательного решения суда»... Более

того, как призна[валось] Властями, в нарушение пункта 3 статьи 27.2 КоАП применение меры доставления не было должным образом задокументировано... Вышеуказанные соображения, по-видимому, яв[ились] одними из существенных элементов, относящихся к законности такого рода мер в соответствии с российским законодательством... Кроме того, [не было] никаких доказательств того, что заявитель был проинформирован о каком-либо (обоснованном подозрении в) административном обвинении против него или о причинах его задержания» (пункт 76 постановления).

«Что касается подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, то Властям, по мнению Европейского Суда, следовало иметь в виду, что эта мера была применена в контексте административного правонарушения, максимальное наказание за которое, предусмотренное законом, представляет собой штраф в размере 30 евро. Согласно требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции, чтобы лишение свободы считалось свободным от произвола, недостаточно того, чтобы эта мера принималась и исполнялась в соответствии с национальным законодательством; она также должна быть необходимой в сложившихся обстоятельствах и соразмерной... В тех случаях, когда цель заключалась в том, чтобы «предотвратить совершение преступления лицом», внутригосударственные органы власти обязаны были удостовериться, в частности, в том, что лишение свободы являлось «обоснованно необходимым» для достижения этой цели в обстоятельствах дела. Имеющиеся материалы не указыва[ли] на то, что вышеуказанные требования были соблюдены» (пункт 77 постановления).

С учетом вышеизложенных соображений Европейский Суд пришел к выводу о том, что процедура сопровождения не соответствовала статьям 27.1-27.2 КоАП РФ и, следовательно, и подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

См. также нижеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 10970/12 *«Григорьев и Игамбердиева против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)⁸, которым установлено нарушение в отношении одного из заявителей пункта 1 статьи 5 Конвенции в ходе осуществления им права на свободу выражения мнения.

право на свободу выражения мнений

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 51165/08 *«Милинов*

⁸ См. подраздел *«вопросы присуждения соразмерной (достаточной) компенсации за допущенные нарушения прав и свобод. Утраты лицом статуса «жертвы»»* раздела *«В сфере гражданско-правовых отношений»*.

против Российской Федерации» (вынесено и вступило в силу 24 сентября 2019 г.), которым было установлено нарушение статьи 10 Конвенции.

Заявитель жаловался на то, что ему не было позволено высказать свое мнение на публичном мероприятии.

Суд напомнил, что «гарантированная пунктом 1 статьи 10 [Конвенции] свобода выражения мнения является одной из важнейших основ демократического общества и одним из основных условий для его прогресса и самореализации каждого человека. При условиях, указанных в пункте 2, принцип свободы выражения мнения применим не только к «информации» и «идеям», которые благосклонно воспринимаются обществом или считаются им неоскорбительными либо воспринимаются с безразличием, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или возмущают общество. Таковы требования плюрализма, терпимости и необходимости придерживаться широких взглядов, без которых не может быть «демократического общества». Более того, статья 10 защищает не только содержание высказываемых идей и информации, но также и форму, в которой они сообщаются. Как установлено в статье 10, из этой свободы могут делаться исключения, которые при этом должны толковаться ограничительно, а необходимость в каких-либо таких ограничениях должна быть установлена со всей убедительностью» (пункт 46 постановления).

Суд вновь обратил внимание на то, что «для соответствия требованиям пункта 2 статьи 10 Конвенции вмешательство в право на свободу выражения мнения должно быть «предусмотрено законом», преследовать одну или несколько законных целей, перечисленных во втором абзаце этого положения и быть «необходимым в демократическом обществе»» (пункт 48 постановления).⁹

Суд отметил, что «[с]огласно устоявшейся практике Суда, проверка необходимости в демократическом обществе требует определения того, соответствовало ли обжалуемое вмешательство насущной социальной потребности, было ли оно соразмерно преследуемой законной цели и были ли обоснования, приведенные национальными властями для его оправдания,

⁹ Судом было обращено внимание на следующее: «заявитель утверждал, что вмешательство не имело оснований во внутригосударственном праве, в то время как Власти ссылались на положение Закона о публичных мероприятиях, в котором говорится, что участник публичного мероприятия должен выполнять все законные требования, в частности, организатора мероприятия и сотрудников милиции... Как бы то ни было, принимая во внимание приведенные ниже выводы, Суд не видит необходимости в том, чтобы рассматривать вопрос о том, было ли вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения предусмотрено законом... Кроме того, принимая во внимание утверждение Властей о том, что действия заявителя нарушали право на свободу собраний участников праздничного собрания..., Суд готов принять ради аргумента, что рассматриваемое вмешательство преследовало законную цель защиты прав других лиц. Остается проверить, было ли нарушение «необходимым в демократическом обществе»» (пункт 49 постановления).

существенными и достаточными. Однако предоставленная национальным властям свобода усмотрения при оценке того, существует ли такая необходимость и какие меры должны быть приняты для ее удовлетворения, не является неограниченной, тесно связана с [е]вропейским надзором Суда, задача которого состоит в том, чтобы принять окончательное решение о том, является ли ограничение совместимым со свободой выражения мнения, защищаемой статьей 10 Конвенции... [П]ри осуществлении роли надзорного органа задача Суда заключается не в том, чтобы заменить собой внутригосударственные суды, а, скорее в том, чтобы с учетом обстоятельств дела в целом рассмотреть вопрос о том, совместимы ли решения, принятые в рамках этой свободы усмотрения, с положениями Конвенции, на которые они опираются» (пункт 50 постановления).

Европейским Судом было установлено, что «заявитель присутствовал на публичном мероприятии, открытом для всех. Он высказывал свои взгляды на исторические события, которые были темой праздничного митинга, взгляды, которые противоречили версии, поддерживаемой организаторами митинга. Стремясь получить ответ на вопрос, написанный на его плакате..., заявитель обратил внимание общественности на обратную сторону истории..., тем самым способствуя обсуждению вопроса, представляющего общественный интерес. Надпись на плакате не носила оскорбительный или непристойный характер. Действия заявителя ни в коем случае не были насильственными или агрессивными. Государственные должностные лица (сотрудники ФСБ и милиции) решили вмешаться и прервать его действия через несколько минут после их начала. При этом они схватили заявителя за руки. Заявителю позволили уехать домой на своей машине. Однако, как только он подъехал к дому, его пригласили пройти в отделение милиции в милицейском автомобиле для «профилактической беседы» с начальником отделения. Он провел в отделении милиции три с половиной часа, прежде чем ему разрешили уйти. Когда заявитель потребовал компенсации морального вреда, причиненного действиями государственных должностных лиц, национальные суды отклонили его требования как необоснованные» (пункт 51 постановления).

Суд подчеркнул, что существенный факт в контексте его анализа дела с точки зрения статьи 10 Конвенции заключался в том, что заявитель подвергся мерам принуждения со стороны милиции после выражения своего мнения (пункт 52 постановления).

Суд рассмотрел требование о том, чтобы заявитель прошел в отделение милиции для «профилактической беседы» с начальником отделения, как прямое следствие его действий. Власти не дали никакого объяснения относительно цели этой «профилактической беседы», однако сама формулировка подразумевает, что по крайней мере одна из ее целей заключалась в том, чтобы предотвратить подобные действия в будущем, убедив заявителя воздерживаться от повторения своего поведения. По

мнению Суда, тот факт, что сотрудники милиции в форме пригласили заявителя пройти в отделение милиции для «профилактической беседы», и что заявитель впоследствии прождал начальника отделения милиции три с половиной часа, имел «сдерживающее воздействие» на осуществление его свободы выражения мнения, поскольку это могло отбить у него охоту высказывать мнение по указанной теме в будущем (пункт 53 постановления).

Суд отметил предположение Властей о том, что заявитель мог выбрать другое место или время для выражения своего мнения. Однако, как неоднократно подчеркивалось Судом, «цель собрания часто связана с определенным местом и/или временем..., и что место, выбранное для собрания, является важным, чтобы участники собрания могли надлежащим образом реализовать свое право на свободу выражения мнения, предложить общественности подумать о своих идеях и проинформировать общественность о вопросах, важные для общества, и открыто выражать свои идеи.... Ранее Суд... отмечал, что в сфере политических дебатов гарантии, предусмотренные статьями 10 и 11 Конвенции, часто дополняют друг друга.... По его мнению, этот подход применим в контексте настоящего дела» (пункт 55 постановления).

С учетом изложенного Суд пришел к выводу о том, что «Власти не привели каких-либо убедительных аргументов, чтобы доказать, что существовала «насуточная социальная потребность» в том, чтобы прервать действия заявителя, а затем сопроводить его в отделение милиции и заставить его там ждать в течение трех с половиной часов.... Напомнив что пункт 2 статьи 10 Конвенции дает мало возможностей для ограничения выражения политического мнения или обсуждения вопросов, представляющих общественный интерес...., Суд [посчитал], что вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения не было «необходимым в демократическом обществе»» (пункт 56 постановления).

См. также вышеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 36801/09 *«Капустин против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 октября 2019 г.)¹⁰, № 61443/13 *«Николаев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)¹¹

и нижеприведенные постановления Европейского Суда по жалобе № 48310/16 *«Каблиц против Российской Федерации»* (вынесено 30 апреля

¹⁰ См. подраздел «право на свободу и личную неприкосновенность» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

¹¹ См. подраздел «запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

2019 г., вступило в силу 9 сентября 2019 г.)¹², № 10970/12 «*Григорьев и Игамбердиева против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)¹³, № 23814/15 «*Мучник и Мордовиц против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)¹⁴, которыми установлено нарушение в отношении заявителей статьи 10 Конвенции.

право на свободу собраний

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 48310/16 «*Каблиц против Российской Федерации*» (вынесено 30 апреля 2019 г., вступило в силу 9 сентября 2019 г.), которым установлено нарушение статей 10, 11 и 13 Конвенции.

Заявитель жаловался на ограничения, наложенные властями относительно места проведения им публичного мероприятия.

Стороны не оспаривали, что предложение изменить место проведения заявителем публичного мероприятия являлось вмешательством в его право на свободу мирного собрания.

Суд отметил, что национальные власти полагались на два правовых положения, запрещающих проведение публичных мероприятий в месте, выбранном заявителем: в то время как городская администрация полагалась на региональный закон, запрещающий проводить публичные мероприятия на площади С. в г. С., внутригосударственные суды ссылались на постановление городской администрации, ограничивающее периметр такой зоны в непосредственной близости к зданию Конституционного Суда [одного из субъектов Российской Федерации], где проведение публичных мероприятий было запрещено статьей 8 Закона о публичных мероприятиях (пункт 51 постановления).

Что касается вывода национальных судов о том, что место, выбранное заявителем, находилось в непосредственной близости к Конституционному Суду, Суд уже признал что общий запрет согласно статье 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» проводить публичные мероприятия вблизи судебных

¹² См. подраздел «право на свободу собраний» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

¹³ См. подраздел «вопросы присуждения соразмерной (достаточной) компенсации за допущенные нарушения прав и свобод. Утраты лицом статуса «жертвы»» раздела «В сфере гражданско-правовых отношений».

¹⁴ См. подраздел «право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение дел об административных правонарушениях)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

зданий несопоставим с пунктом 2 статьи 11, учитывая его абсолютный характер, в сочетании с широкой свободой действий местной исполнительной власти в определении понятия «в непосредственной близости». Европейский Суд не видит каких-либо оснований для иного вывода в настоящем деле. Отказ утвердить место, выбранное заявителем для проведения публичного мероприятия, посредством упоминания того факта, что его проведение планировалось вблизи Конституционного Суда [одного из субъектов Российской Федерации], не мог, соответственно, рассматриваться как «необходимый в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции (пункт 52 постановления).

Что касается ссылки городской администрации на региональный закон, запрещающий проводить публичные мероприятия на главной площади г. С., Суд отметил, что с 2012 года Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» разрешает региональной законодательной власти назначать иные места - в дополнение к местам, упомянутым в статье 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» - где запрещено проводить публичные мероприятия, если они могут помешать нормальной работе коммунальных служб, транспорта, общественных учреждений или служб связи, или препятствовать проходу пешеходов или проезду транспортных средств или доступу жителей к жилым зданиям, транспорту или социальной инфраструктуре. Суд уже признавал, что такие доводы, хотя и имеют отношение к предмету рассмотрения, сами по себе не являются достаточными для обоснования предложения об изменении места проведения публичного мероприятия. Этот вывод применяется с тем большим основанием к общему запрету на проведение публичных мероприятий в конкретном месте со ссылкой на указанные доводы (пункт 53 постановления).

В этой связи Суд напомнил, что «в соответствии с Конвенцией государство может принимать меры общего характера, применимые к заранее определенным ситуациям, независимо от отдельных обстоятельств каждого дела, даже если это может привести к отдельным сложным случаям.... Однако, общий запрет на демонстрации может быть оправдан, только если имеется реальная опасность того, что такие демонстрации приведут к беспорядкам, которые нельзя предотвратить менее строгими мерами. В этой связи власти должны учитывать последствие запрета на демонстрации, которые сами по себе не представляют опасности для общественного порядка. Только если ущерб от такой демонстрации, подпадающей под действие запрета, явно перевешивает соображения безопасности, оправдывающие издание запрета, и если нет возможности избежать таких негативных побочных последствий запрета посредством ограничения его пределов в отношении территориального применения и

продолжительности, такой запрет может рассматриваться как необходимый в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции» (пункт 54 постановления).

Суд обратил внимание на то, что никаких аргументов относительно риска общественных беспорядков или соображений безопасности, обосновывающих общий запрет на проведение публичных мероприятий на площади, представлено не было. В действительности, региональный нормативно-правовой акт, устанавливающий этот запрет, просто перефразировал Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» – указывая, что проведение там публичных мероприятий может привести к нарушению работы коммунальных служб, транспорта, общественных учреждений и служб связи, будет мешать пешеходам или общественному транспорту, или препятствовать доступу граждан к жилым зданиям или транспорту и общественным учреждениям. Важно, что ни в самом региональном нормативно-правовом акте, ни в любых иных правовых положениях или судебном толковании не пояснялось, какие из вышеперечисленных обстоятельств имели отношение к площади и почему. В любом случае, Суд уже постановил, что такие доводы не были достаточными, чтобы обосновать общий запрет на проведение публичных мероприятий в определенном месте (пункт 55 постановления).

«Не было также дано объяснения, продолжил Европейский Суд, почему общий запрет являлся более целесообразным средством достижения цели предупреждения серьезного нарушения обычной жизни граждан, чем положение о рассмотрении каждого случая в отдельности, с учетом возможности сведения к минимуму такого нарушения, например, организуя временные объездные маршруты транспорта или принимая аналогичные меры, и в то же время учитывая законные интересы организаторов в проведении собрания в выбранном ими месте. Кроме того, никогда не утверждалось, что общий запрет не может быть уменьшен без риска злоупотребления, значительной неопределенности, дискриминации или произвольного правоприменения. Наконец, общий запрет не ограничен во времени и применяется ко всем публичным мероприятиям, независимо от количества участников и возможности того, что мероприятие может привести к серьезным нарушениям обычной жизни граждан. Поэтому общий запрет, рассматриваемый в данном деле, не ограничивается особым образом, чтобы избежать конкретного риска серьезной дестабилизации, с минимальным нарушением права на свободу собрания. Таким образом, не продемонстрировано, что общий запрет на проведение публичных мероприятий на... площади являлся предметом строгого парламентского и судебного контроля» (пункт 56 постановления).

С учетом вышеизложенного Суд посчитал, что отказ утвердить место публичного мероприятия заявителя, сославшись на общий запрет на проведение публичных мероприятий вблизи судебных зданий или на запрет,

установленный региональным законом, на проведение публичных мероприятий на площади в г. С., без рассмотрения конкретных обстоятельств дела, не мог рассматриваться как «необходимый в демократическом обществе» в значении пункта 2 статьи 11 Конвенции (пункт 58 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что блокировка его аккаунта в социальной сети и трех его записей в его блоге, призывавших к участию в несанкционированном публичном мероприятии, нарушала его право на свободу выражения мнения.

Суд вновь обратил внимание на то, что «... свобода выражения мнения является одним из основополагающих принципов демократического общества и одним из главных условий его развития и самосовершенствования его граждан. Согласно пункту 2 статьи 10 [Конвенции], она применяется не только к «информации» или «идеям», признанным правильными, безобидными или нейтральными, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов, без которых не существует «демократического общества»» (пункт 79 постановления).

Суд также повторил, что «статья 10 [Конвенции] гарантирует свободу выражения мнения «каждому». В ней не делается различий в зависимости от характера преследуемой цели или роли физических или юридических лиц в осуществлении этой свободы... Это применяется не только к содержанию информации, а также к средствам распространения, так как любой налагаемый запрет обязательно вмешивается в право на получение и передачу информации» (пункт 80 постановления).

«Что касается значения «Интернета» в осуществлении свободы выражения мнения, Суд повтор[ил], что благодаря своей доступности, а также способности сохранять и передавать огромные объемы информации, Интернет играет важную роль в расширении доступа граждан к новостям и содействию распространению информации... Деятельность в сфере самовыражения, осуществляемая пользователями в сети «Интернет», служит уникальной платформой для реализации ими права на свободу выражения мнения» (пункт 81 постановления).

«Как указано в статье 10 [Конвенции], продолжил Европейский Суд, свобода выражения мнения допускает ряд исключений, которые, однако, должны строго регламентироваться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно определена. Прилагательное «необходимый», по смыслу пункта 2 статьи 10, предполагает существование «насуточной социальной необходимости». Договаривающиеся государства обладают определенной свободой действий по своему усмотрению при оценке наличия подобной необходимости, однако эта свобода сопровождается надзором на европейском уровне и охватывает законодательство и решения, принятые на

его основе, в том числе независимыми судами. Таким образом, Европейский Суд имеет полномочия выносить окончательные решения о совместимости «ограничения» со свободой выражения мнений, в том виде, как она защищается статьей 10» (пункт 82 постановления).

При этом, «[з]адача Суда при осуществлении контрольной функции состоит не в том, чтобы занять место компетентных внутригосударственных органов власти, а в том, чтобы осуществлять пересмотр в соответствии со статьей 10 [Конвенции] решений, вынесенных ими, в соответствии с собственными полномочиями оценки. Это не означает, что контроль ограничен в установлении того, действовало ли государство-ответчик по своему усмотрению здраво, осмотрительно и добросовестно; перед Судом стоит задача оценить обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить было ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», а также являются ли причины, представленные национальными властями для обоснования этого, «достаточными и существенными». Поступая таким образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу» (пункт 83 постановления).

Суд посчитал, что блокировка заместителем Генерального прокурора аккаунта заявителя в социальной сети и трех записей в его блоге на основании того, что они содержали призывы к участию в публичном мероприятии, место проведения которого не было утверждено городской администрацией, представляла собой «вмешательство со стороны публичных властей» в право заявителя на свободу выражения, неотъемлемой частью которого является свобода получения и передачи информации. В этом выводе, как отметил Суд, не упоминалось о том, что заявитель мог создать новый аккаунт в социальной сети или опубликовать новые записи в его блоге (пункт 84 постановления).

Такое вмешательство, по мнению Суда, представляет собой нарушение пункта 2 статьи 10 [Конвенции], за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, указанных в пункте [втором указанной статьи], и «необходимо в демократическом обществе» для достижения таких целей. Суд по[считал], что в настоящем деле вопросы соблюдения закона и существования законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе» (пункт 85 постановления).

Суд отметил, что оспариваемая мера имела основу в статье 15.3 Закона об информации¹⁵, который позволял Генеральному прокурору или его заместителям распоряжаться о блокировке веб-сайта или веб-страницы,

¹⁵ Речь идет о Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

содержащих призывы, помимо прочего, к участию в публичных мероприятиях, проводимых в нарушение установленной процедуры (пункт 86 постановления).

«По утверждению национальных судов, обратил внимание Европейский Суд, цель блокировки заключалась в предотвращении нарушений закона в сфере распространения информации..., а также нарушений общественного порядка... Что касается второй цели, Суд повтор[ил], что исключения из права на свободу объединений должны толковаться узко, их перечень должен быть исчерпывающим, а определение непременно ограничительным... Он отме[тил], что, в отличие от некоторых других статей Конвенции, ни статья 10 [Конвенции], ни статья 11 не допускают ограничений, направленных на поддержание, или защиту, общественного порядка... В действительности, Власти не полагались на эту цель» (пункт 87 постановления).

Относительно довода Властей о том, что «целью этой меры было предупреждение нарушений закона в сфере распространения информации, продолжил Суд, они не пояснили, какой из законных целей, перечисленных во втором пункте статьи 10 [Конвенции], соответствовала такая мера. В частности, никогда не заявлялось, что публичное мероприятие, рекламируемое заявителем в его блоге и аккаунте социальной сети, представляло опасность для общественной безопасности или могло привести к общественным беспорядкам или преступлению. Таким образом, цели защиты общественной безопасности и предупреждения беспорядка или преступления, совершенно очевидно, не имеют отношения к настоящему делу. Цель предупреждения раскрытия информации, полученной на основе конфиденциальности, также не имеет отношения к делу. Представляется, что единственной целью блокировки было исполнение правил, регулирующих публичные мероприятия и, в частности, распространение информации о них. Суд уже признавал, что исполнение правил, регулирующих проведение публичных мероприятий, не может являться самоцелью... Никаких других целей в настоящем деле не было названо ни Властями, ни национальными судами» (пункт 88 постановления).

Учитывая, что и порядок уведомления о публичных мероприятиях, и запрет на проведение кампании за участие до того, как процедура успешно завершена, очевидно направлены на защиту прав других лиц, Суд допустил, что блокирование публикаций, призывающих к участию в публичном мероприятии в нарушение таких процедур и правил, также преследует законную цель защиты прав других людей (пункт 89 постановления).

Суд повторил, что статья 10 [Конвенции] не запрещает налагать предварительные запреты на подобные публикации. Однако, опасности, сопряженные с предварительными ограничениями, таковы, что требуют наиболее пристального изучения со стороны Суда и обоснованы только в исключительных обстоятельствах. Это в особенности касается прессы,

поскольку новость является «скоропортящимся продуктом» и задержка в публикации, даже на короткий срок, может лишить ее ценности и интереса. Эта опасность также касается публикаций, за исключением периодических изданий, в которых рассматриваются актуальные вопросы (пункт 91 постановления).

В делах, касающихся предварительного запрета, подчеркнул Европейский Суд, правовая база требует обеспечения жесткого контроля над объемом запретов и эффективного судебного пересмотра с целью предотвращения превышения полномочий. В этом отношении, судебный пересмотр такой меры, на основе оценки конкурирующих интересов, поставленных на карту, и предназначенной для установления баланса между ними, является невозможным без правовой базы, содержащей точные и конкретные правила применения предварительных ограничений свободы выражения (пункт 92 постановления).

В рассматриваемом отношении Суд обратил внимание на довод заявителя, что «термин «публичные мероприятия, проводимые в нарушение установленной процедуры» в статье 15.3 Закона об информации является слишком широким и расплывчатым». Следовало отметить, что при отсутствии какого-либо официального толкования данного термина Верховным или Конституционным Судом, и учитывая, что Власти не представили примеров ограничительного толкования и применения этого термина в административной и судебной практике, представляется, что любое нарушение порядка проведения публичных мероприятий, независимо от того, насколько незначительным или безобидным оно является, может служить основанием для решения Генерального прокурора о блокировании доступа к интернет-сообщениям, содержащим призывы к участию в таком мероприятии. В силу этого доступ к таким сообщениям может быть заблокирован прокурором, как в настоящем деле, по той единственной причине, что в них содержатся призывы к участию в публичном мероприятии, которое не утверждено властями, без необходимости установления риска возникновения беспорядков или нарушения прав других лиц (пункт 93 постановления).

Суд отметил, что «Генеральный прокурор и его заместители могут дать распоряжение о блокировке всего веб-сайта или веб-страницы – например, всего аккаунта в социальной сети, как в настоящем деле – на том основании, что он содержит определенный незаконный материал. Статья 15.3 Закона об информации не требует от них рассматривать, необходимо ли блокировать полностью весь веб-сайт или веб-страницу, или только отдельный раздел, содержащий определенную опубликованную информацию, учитывая критерии, установленные и применяемые Судом согласно статье 10 Конвенции. Однако, такое обязательство прямо вытекает из Конвенции и практики ее институтов. В частности, статья 10 требует от властей принимать во внимание, помимо иных аспектов, тот факт, что такая мера, делая

недоступными большие объемы информации, должна значительно ограничить права Интернет-пользователей и оказывает существенное побочное воздействие на материал, который не признан противоправным. Нет никакого доказательства в решениях национальных судов по настоящему делу, что эти факторы были приняты во внимание, когда весь аккаунт заявителя «VKontakte» был заблокирован на том основании, что он содержал одну публикацию с незаконной информацией» (пункт 94 постановления).

Суд подчеркнул, что «осуществление Генеральным прокурором полномочий на блокировку интернет-сообщений, содержащих призывы к публичным мероприятиям, должно подлежать судебному пересмотру. Однако, широта свободы усмотрения исполнительных органов такова, что, возможно, будет трудно, если не невозможно, оспорить меру блокировки путем судебного пересмотра... Кроме того, в результате срока в один месяц, предоставляемого на рассмотрение жалоб в отношении судебного пересмотра... – в совокупности с запретом законодательства на проведении кампании за участие в публичном мероприятии до того, как такое мероприятие утверждено региональными или муниципальными властями..., и сжатыми сроками процедуры уведомления и утверждения... – отсутствует гарантия того, что жалоба на блокировку будет урегулирована до запланированной даты мероприятия. Суд [посчитал], что в делах, касающихся предварительного запрета на публикации, призывающие к участию в публичном мероприятии, должна иметься возможность добиться судебного пересмотра меры блокировки до даты соответствующего публичного мероприятия. След[овало] отметить, что информация, содержащаяся в сообщении, лишается какой-либо ценности и интереса после этой даты, и потому отмена блокировки по судебному пересмотру на этом этапе будет бессмысленной» (пункт 94 постановления).

Суд указал, что «процедура блокировки, предусмотренная статьей 15.3 Закона [«Об информации, информационных технологиях и о защите информации»], не содерж[ала] необходимых гарантий против злоупотребления, требуемых практикой Суда в отношении мер предварительного ограничения..., в частности, жесткого контроля за объемом запрета и эффективного судебного пересмотра с целью предупредить злоупотребление полномочиями» (пункт 97 постановления).

Суд отметил, что только в двух из четырех сообщений содержались призывы к участию в публичном мероприятии, запланированном заявителем. Суд не усмотрел таких призывов в первом и втором сообщениях. Национальные органы власти не пояснили, почему эти сообщения попали под меру блокировки, вместе с другими интернет-сообщениями, содержащими такие призывы (пункт 98 постановления).

В первой записи в его блоге заявитель прокомментировал недавнее задержание членов регионального правительства. Проблемы, поднятые в этой записи, имели первостепенное значение для жителей области. Они

вызывали большой общественный интерес, и комментарии заявителя являлись частью продолжающейся политической дискуссии (пункт 99 постановления).

Во второй записи в своем блоге заявитель сообщил своим читателям, что местные власти отказали в утверждении места проведения пикетирования, запланированного им, и что вместо этого в том же месте и в то же время будет проведен «народный сход». Суд посчитал, что, информируя потенциальных участников о том, что публичное мероприятие не было утверждено в надлежащем порядке, заявитель распространял информацию, представляющую общественный интерес (пункт 100 постановления).

Суд повторил, что, «согласно его практике, высказывания по вопросам, представляющим общественный интерес, имеют право на сильную защиту... Следовательно, есть немного возможностей согласно пункту 2 статьи 10 Конвенции для ограничения политических высказываний или дискуссий по вопросам, представляющим общественный интерес..., и требуются очень убедительные основания для оправдания таких ограничений.... Национальные органы власти не представили каких-либо оснований для блокировки доступа к двум из вышеупомянутых сообщений и не объяснили, почему на них была распространена мера блокировки, хотя эти сообщения и не содержали призывов к участию в публичном мероприятии, проводимом с нарушением установленной процедуры» (пункт 101 постановления).

Что касается третьей записи в блоге и сообщения в социальной сети, они содержали прямые призывы к участию в публичном мероприятии, в утверждении которого ранее местные власти отказали. В этой связи Суд также напомнил о важности того, чтобы органы государственной власти проявляли определенную степень толерантности по отношению к мирным незаконным собраниям (пункт 102 постановления).

Суд повторил, что, «как правило, недостаточно, чтобы вмешательство осуществлялось потому, что его предмет входит в определенную категорию или на него распространяется правовая норма, сформулированная в общих выражениях. Скорее требуется, чтобы это вмешательство было необходимым в конкретных обстоятельствах... Следовательно, отсутствие предварительной санкции и последующая «незаконность» деяния не дает властям свободы действия; они по-прежнему ограничены требованием соразмерности статьи 11... [Поэтому], тот факт, что заявитель нарушил установленный законом запрет на «проведение кампании» за участие в публичном мероприятии, которое не было согласовано в надлежащем порядке, не явля[лось] достаточным для того, чтобы оправдать вмешательство в его свободу выражения мнения. Суд должен [был] рассмотреть, было ли необходимым в демократическом обществе, учитывая факты и обстоятельства данного дела, заблокировать соответствующие публикации» (пункт 103 постановления).

Суд отметил, во-первых, что «целью публичного мероприятия было выражение мнения по актуальной проблеме, представляющей общественный интерес, а именно, относительно недавнего ареста должностных лиц регионального правительства...». Во-вторых, «в утверждении публичного мероприятия было отказано на формальных основаниях – ввиду общего запрета на проведение публичных мероприятий в месте, выбранном заявителем, что Суд признал противоречащим Конвенции... – а не потому, что рассматриваемое мероприятие представляло риск возникновения беспорядков или совершения преступления или опасность для общественного порядка или прав других лиц». В-третьих, «оспариваемые сообщения в Интернете не содержали никаких призывов к насильственным, хулиганским или иного рода противоправным деяниям во время публичного мероприятия». В-четвертых, «ожидалось, что в мероприятии примут участие около пятидесяти человек... и, как утверждал заявитель и это не было оспорено Властями, выбранное место было закрыто для проезда транспорта... С учетом места проведения мероприятия, небольших его масштабов и его мирного характера, не было никаких оснований считать, что властям будет необходимо вмешаться с целью гарантировать спокойное проведение мероприятия и безопасность участников и прохожих, например, посредством изменения маршрутов общественного транспорта. Наконец, как отмечалось выше, заявитель прямо и четко заявил в своем блоге, что данное публичное мероприятие не было утверждено в надлежащем порядке. Поэтому он не пытался ввести в заблуждение потенциальных участников, уверяя их в том, что они будут участвовать в разрешенном мероприятии» (пункт 104 постановления).

По мнению Европейского Суда «нарушение порядка проведения публичного мероприятия в настоящем деле было незначительным и не создавало реального риска возникновения общественных беспорядков или совершения преступления. Оно также не могло отрицательно повлиять на общественную безопасность или затронуть права других лиц. В таких обстоятельствах Суд не убе[дился], что имелась «насушная социальная потребность» применить меры предварительного ограничения и заблокировать доступ к оспариваемым Интернет-сообщениям, призывающим к участию в этом мероприятии, и тем самым, препятствовать выражению мнения по важному вопросу, представляющему общественный интерес» (пункт 105 постановления). Следовательно, было допущено нарушение статьи 10 Конвенции.

Заявитель также подал жалобу в соответствии со статьей 13 в совокупности со статьей 11 Конвенции, что ему не были предоставлены эффективные средства правовой защиты от предполагаемого нарушения права на проведение собрания.

Европейский Суд напомнил, что «статья 13 [Конвенции] гарантирует наличие средства правовой защиты на национальном уровне в отношении жалоб, которые в значении Конвенции могут считаться «небезосновательными»» (пункт 64 постановления).

Суд повторил, что ««эффективность» «средства правовой защиты» в значении статьи 13 [Конвенции] не зависит от определенности благоприятного исхода для заявителя. В то же время средство правовой защиты, предусмотренное статьей 13 Конвенции, должно быть эффективным не только на практике, но и по закону, в смысле воспрепятствования предполагаемому нарушению или сохранению оспариваемого положения дел или предоставления достаточного возмещения за любое нарушение, которое уже произошло» (пункт 65 постановления).

При этом, «[о]бъем обязательств Высоких Договаривающихся Сторон, предусмотренный статьей 13 [Конвенции], зависит от характера жалобы заявителя. Что касается жалоб по поводу ограничений свободы собрания, наложенных до даты запланированного собрания – таких как, например, отказ в предварительном разрешении или утверждении, когда они требуются – Суд уже отметил, что понятие эффективного средства правовой защиты подразумевает возможность получения судебного решения, подлежащего принудительному исполнению, касательно таких ограничений до запланированного времени проведения собрания» (пункт 66 постановления).

В недавнем деле *«Лаиманкин и другие против России»* Суд признал, что «заявители не имели в распоряжении эффективного средства правовой защиты, чтобы оспорить отказы в утверждении места или времени проведения публичного мероприятия или формы проведения такового. Средство правовой защиты в виде судебного пересмотра согласно [в том числе] бывшей [главе] 25 Гражданско-процессуального кодекса... имело два недостатка, которые делали его неэффективным в отношении статьи 13 [Конвенции]. Во-первых, оно не позволяло получить судебное решение, подлежащее принудительному исполнению, в отношении отказа властей утвердить место, время или способ проведения публичного мероприятия до запланированной даты. Во-вторых, область его применения ограничивалась рассмотрением законности предложения об изменении места, времени или способа проведения публичного мероприятия, и не включала оценку его «необходимости в демократическом обществе» и «соразмерности»» (пункт 67 постановления).

Суд отметил, что, «...15 сентября 2015 года вступил в силу... Кодекс административного судопроизводства (далее - «КАС»), реформирующий действующий порядок судебного пересмотра. Он предусматривает, в частности, что жалобы на решения органов власти в отношении изменений, касающихся целей, места, типа или формы проведения публичного мероприятия, должны рассматриваться районным судом, и, если возможно, также апелляционные жалобы, до запланированной даты мероприятия. Если

суд удовлетворяет жалобу, он требует от властей или должностных лиц устранить нарушение прав заявителя – в частности, определяя конкретные меры, которые необходимо принять – и устанавливает сроки. Вынесенное судебное решение подлежит немедленному исполнению... Суд [посчитал], что указанные изменения в национальном законодательстве устранили первый недостаток, установленный в постановлении по делу *«Лашманкин и другие против России»*, с этого момента позволяя получить судебное решение, подлежащее принудительному исполнению, в отношении отказа властей утвердить место, время или способ проведения публичного мероприятия до запланированной даты такового» (пункт 68 постановления).

Что касается второго недостатка, Суд отметил, что «КАС дублирует по существу правовые положения об объеме судебного пересмотра, которые были изучены и признаны неверными в деле *«Лашманкин и другие против России»*. КАС предусматривает, что законность оспариваемого решения или действия – понимаемая в смысле соблюдения правил компетенции, процедуры и содержания – остается единственным значимым вопросом, рассматриваемым в ходе судебного пересмотра... Следовательно, второй недостаток, установленный в деле *«Лашманкин и другие против России»*, [не] был исправлен КАС. В этой связи можно заметить, что в настоящем деле национальные суды не установили справедливый баланс между частными и общественными интересами, постановив, что заявитель не имел права выбирать место проведения публичного мероприятия и что предложение об изменении места, таким образом, ограничивало его право на свободу собрания. Этот вывод прямо противоречит стандартам, установленным Судом согласно статье 11 [Конвенции]...» (пункт 69 постановления).

Суд принял во внимание постановление Верховного Суда от 26 июня 2018 года¹⁶, в котором дается указание национальным судам, что при рассмотрении жалоб в соответствии с КАС против решений властей об изменении целей, места, типа или способа проведения публичного мероприятия, они должны оценивать, было ли вмешательство со стороны органов власти в право на свободу публичных собраний законным, необходимым и соразмерным законной цели, и в частности, были ли причины такого вмешательства, представленные властями, существенными и достаточными. Суд с удовлетворением отметил эти указания, но [посчитал], что они были изданы после событий, рассматриваемых в настоящих делах. Ему придется подождать, когда представится возможность изучить практику российских судов после указанного постановления, чтобы оценить, как на практике выполняются эти указания (пункт 70 постановления).

¹⁶ Речь идет о постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2016 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях».

Суд заключил, что «национальное законодательство, которое действовало в период с 15 сентября 2015 года по 26 июня 2018 года, не предоставляло эффективного средства правовой защиты, так как объем пересмотра единственного доступного средства правовой защиты ограничивался рассмотрением законности предложения об изменении места, времени или способа проведения публичного мероприятия, и не включал оценку его «необходимости» и «соразмерности»» (пункт 71 постановления). Соответственно, в связи с этим по настоящему делу было допущено нарушение статьи 13 Конвенции.

См. также вышеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 53545/13 *«Макарова и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 26 марта 2019 г.)¹⁷, № 42294/13 *«Белан и Свидерская против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)¹⁸, № 31475/10 *«Анненков и другие против Российской Федерации»* (вынесено 25 июля 2017 г., вступило в силу 25 октября 2017 г.)¹⁹, а равно нижеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 23814/15 *«Мучник и Мордовии против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)²⁰, которыми установлены нарушение статьи 11 Конвенции.

право на эффективные средства правовой защиты

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе № 48310/16 *«Каблиц против Российской Федерации»* (вынесено 30 апреля 2019 г., вступило в силу 9 сентября 2019 г.)²¹.

¹⁷ См. подраздел «право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение дел об административных правонарушениях)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

¹⁸ См. подраздел «запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

¹⁹ См. подраздел «запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

²⁰ См. подраздел «право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение дел об административных правонарушениях)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

²¹ См. подраздел «право на свободу собраний» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение дел об административных правонарушениях)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 53545/13 «*Макарова и другие против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 26 марта 2019 г.), которым было установлено нарушение пункта 1 статьи 6, статьи 11 Конвенции.

Заявители жаловались на отсутствие стороны обвинения на слушании дела в суде в рамках возбужденного против них административного производства.

Ранее Суд установил, что отсутствие стороны обвинения в контексте устных слушаний, влекущее вынесение решений по делам об административных правонарушениях, представляет собой серьезный недостаток в нарушение требования объективной беспристрастности, предусмотренного в пункте 1 статьи 6 Конвенции²². Он отметил, что значимые фактические и правовые элементы настоящего дела и дела *Карелина* являются схожими в отношении судебных разбирательств по делам первого и второго заявителей, и административного производства в целом в отношении третьего заявителя. Замечания сторон в настоящем деле не содержали оснований для отклонения Суда от постановления, вынесенного ранее в этом отношении (пункт 27 постановления).

Суд отметил, что апелляционный суд в деле третьего заявителя полагался не только на показания допрошенного им свидетеля, но и на протокол об административном правонарушении в качестве доказательства, которое он наделил доказательственной силой в отношении ее вины и для отклонения ее апелляционной жалобы по существу и на основании закона (пункт 28 постановления).

Суд также подчеркнул, что «первый и второй заявители подали апелляционные жалобы и затем отсутствовали на судебных слушаниях по апелляции, не будучи представленными адвокатами. Суд не видит причины считать, что заявителям не была предоставлена надлежащая возможность присутствовать на слушании или организовать юридическое представление их интересов. Напротив, судя по всему, заявители осознанно отклонили такую возможность.... Апелляционные суды не получали иных апелляционных жалоб или ответных замечаний, и не заслушивали никаких устных представлений или свидетелей. Апелляционные процедуры ограничились пересмотром судебных решений путем изучения материалов

²² См. постановление Европейского Суда по правам человека по делу «*Карелин против Российской Федерации*», пункты 69-84.

дела исключительно на основе апелляционных жалоб ответчиков. Оценивая вышеуказанные критерии в совокупности, Суд не находит нарушения требований объективной беспристрастности в отношении проведенной апелляционной процедуры» (пункт 29 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу о том, что «имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции ввиду требования объективной беспристрастности в отношении административного производства по делу третьего заявителя и судопроизводства в суде первой инстанции по делам первого и второго заявителей, и отсутствовало нарушение данного положения в отношении апелляционного производства по жалобам первого и второго заявителей» (пункт 30 постановления).

Заявители также жаловались, что прекращение их одиночного пикетирования, их доставление в отделение полиции и признание виновными в административном правонарушении представляло незаконное и непропорциональное вмешательство в осуществление их права на свободу мирных собраний. Заявители утверждали, что они участвовали в спонтанном публичном протесте против законопроекта, запрещающего усыновление российских детей гражданами Соединенных Штатов.

Стороны согласились, что прекращение пикетирования и/или участия заявителей в групповом публичном мероприятии, их доставление в отделение полиции и признание виновными в совершении административного правонарушения представляли собой вмешательство в их права на свободу мирных собраний и свободу выражения мнения. Подобное вмешательство представляет собой нарушение статей 10 и 11 Конвенции, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 каждой из статей, а также если оно не является «необходимым в демократическом обществе». Однако, в данном деле вопросы соблюдения закона и существования законной цели не могут быть отделены от вопроса о том, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе». Поэтому, по мнению Европейского Суда, необходимо было рассмотреть эти вопросы по отдельности (пункт 36 постановления).

Суд учел утверждение заявителей, что они пытались провести одиночные пикетирования, место проведения (цель пикетирования) и время проведения которых совпадали.

В этой связи Суд сослался на свои выводы в постановлении по делу «Новиков и другие против Российской Федерации» относительно Закона о публичных мероприятиях. Независимо от установленного законодательством требования соблюдения дистанции при проведении одновременных одиночных пикетирований, Закон позволял судам классифицировать *post facto* (задним числом) пикетирование как групповое мероприятие («правило

переклассификации» согласно разделу 7(1.1) Закона)²³ и, как [предполагалось], наказывать лиц за несоблюдение процедуры предварительного уведомления, применимой к таким мероприятиям. По мнению Суда, предполагаемые законодательные цели такого положения (такие как предоставление органам власти возможности принять своевременные и должные меры для обеспечения требуемого порядка проведения определенной гражданской инициативы и обеспечения общественной безопасности, а также защиты прав участников мероприятия и иных лиц) в обычном порядке могли бы быть достигнуты посредством разумного применения требования о дистанции, без существования «насуточной социальной потребности» — относящейся к преследованию любой конкретной законной цели — применять «правило переклассификации» и соблюдать соответствующую процедуру предварительного уведомления (пункт 38 постановления).

Было отмечено, что «до января 2013 года не существовало конкретного законодательного требования в отношении дистанции... В то же время Суд не видит причин сомневаться, что каждый заявитель просто стоял с плакатом на определенном - по-видимому, значительном - расстоянии от других протестующих, неподалеку от цели пикетирования, Государственной Думы; каждый заявитель вел себя мирно и не нарушал порядка. Внутригосударственные суды расценили данную ситуацию как единое групповое мероприятие в форме «пикета». Тем не менее, нет убедительных обстоятельств, относящихся к общественной безопасности, предотвращению беспорядков или защите прав других лиц, которые были бы положены на чашу весов и на которые бы опирались при применении этого фактического утверждения для признания виновным каждого заявителя именно за несоблюдение процедуры уведомления и также при приписывании активной роли, как минимум, одному из заявителей.... Единственное имеющее отношение к делу обстоятельство состояло в необходимости наказания незаконного поведения, заключавшегося в несоблюдении процедуры уведомления. В отсутствие каких-либо отягчающих обстоятельств этого было недостаточно для оправдания вмешательства в право первого заявителей на свободу выражения мнения в обстоятельствах дела (пункт 39 постановления).

²³ В силу части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» «[у]ведомление о пикетировании, осуществляемом одним участником, не требуется, за исключением случая, если этот участник предполагает использовать быстровозводимую сборно-разборную конструкцию. Минимальное допустимое расстояние между лицами, осуществляющими указанное пикетирование, определяется законом субъекта Российской Федерации. Указанное минимальное расстояние не может быть более пятидесяти метров. Совокупность актов пикетирования, осуществляемого одним участником, объединенных единым замыслом и общей организацией, может быть признана решением суда по конкретному гражданскому, административному или уголовному делу одним публичным мероприятием».

В порядке альтернативы, если принимать как убедительно обоснованный тот факт, что заявители действительно принимали участие в «собрании» (друг с другом и/или другими), рассматриваемом в контексте статьи 11 Конвенции, настоящее дело подпадает под действие вопросов, связанных с так называемыми «спонтанными собраниями». Суд уже рассматривал этот конкретный вопрос в деле *«Лаиманкин и другие против Российской Федерации»* и, как выяснилось, в связи с фактически такими же обстоятельствами. Суд отметил, в частности, что Закон «О публичных мероприятиях» не предусматривал особых обстоятельств, когда немедленное реагирование на текущее событие выражается в форме спонтанного «собрания» в значении пункта 1 статьи 11 Конвенции (пункт 40 постановления).

Суд обратил внимание на то, что заявители хотели протестовать против законопроекта, запрещающего усыновление российских детей гражданами США. Дата рассмотрения законопроекта парламентом была объявлена за два дня до мероприятия, делая невозможным протестующим выполнить трехдневный срок уведомления о «пикетах». Тот факт, что общество не было заблаговременно проинформировано о дате рассмотрения законопроекта парламентом, лишило протестующих возможности либо отказаться от их права на мирное собрание в целом, либо осуществить его в нарушение административных требований (пункт 41 постановления).

Суд установил, что «[в] судопроизводстве против каждого заявителя суды ограничились их оценкой по установлению участия заявителя в «пикете» без предварительного уведомления. Они не рассмотрели вопрос о наличии особых обстоятельств, требующих немедленной реакции на текущее событие в форме спонтанного собрания и оправдывающих отступление от строгого применения предельных сроков уведомления... В отсутствие надлежащего судебного пересмотра указанных вопросов в административных делах или в отдельных разбирательствах, Суд не может строить предположения о том, раскрывали ли факты настоящего дела такие особые обстоятельства, единственным адекватным ответом на которые было немедленное собрание. Со своей стороны Власть не привели какой-либо убедительной причины, почему в демократическом обществе нельзя допускать каких-либо исключений из применения процедуры уведомления, включая требование соблюдения конкретных сроков для уведомления, в обстоятельствах, когда такие сроки соблюсти невозможно. По мнению Суда, автоматическое и негибкое применение временных рамок уведомления без учета особых обстоятельств настоящего дела явилось вмешательством в нарушение пункта 2 статьи 11 Конвенции» (пункт 42 постановления). Таким образом, по мнению Европейского Суда, в настоящем деле в отношении каждого из заявителей было допущено нарушение статьи 11 Конвенции.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 23814/15 «*Мучник и Мордовии против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.), которым было установлено нарушение статей 6, 10 и 11 Конвенции.

Заявители жаловались на то, что на судебном заседании в рамках административного производства в их отношении не присутствовал никто со стороны обвинения, а также на то, что судьи в ходе судебного разбирательства действовали с нарушением требования о беспристрастности. Заявители также утверждали, что им не было предоставлено достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты. Они ссылались на статью 6 Конвенции.

Суд прежде всего повторил, что уголовный аспект статьи 6 Конвенции был применим к производству в отношении заявителей на основании КоАП РФ (пункт 31 постановления).

Что касается первой жалобы, то Суд установил, что отсутствие стороны обвинения в контексте устных слушаний, влекущее вынесение решений по делам об административных правонарушениях, представляет собой серьезный недостаток в нарушение требования объективной беспристрастности, предусмотренного в пункте 1 статьи 6 Конвенции. Суд отметил, что обязательные фактические и правовые элементы настоящего дела и дела *Карелина* являются схожими. Замечания сторон в настоящем деле не содержат оснований для отклонения Суда от постановления, вынесенного ранее (пункт 33 постановления). Таким образом, в отношении каждого заявителя имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в том, что касается требования объективной беспристрастности.

Что касается жалобы заявителей на то, что им не предоставили достаточно времени и возможностей для подготовки своей защиты, то, поскольку требования пункта 3 статьи 6 Конвенции являются конкретными аспектами права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6, Суд рассмотрит жалобу на основании обоих положений, взятых в их совокупности.

Европейский Суд вновь напомнил, что «[о]бвиняемый должен иметь возможность организовать свою защиту надлежащим образом и без ограничений на возможность предоставления на рассмотрение суда первой инстанции всех соответствующих аргументов стороны защиты, и, таким образом, повлиять на исход судебного разбирательства... Кроме того, возможности, доступные каждому лицу, обвиняемому в совершении уголовного преступления, должны включать возможность ознакомиться с результатами расследования, проведенного в ходе производства, с целью подготовки своей защиты... Достаточность времени и возможности, предоставляемые обвиняемому, должны оцениваться в свете обстоятельств каждого конкретного дела» (пункт 35 постановления).

Суд отметил, что дела обоих заявителей были рассмотрены в рамках ускоренной процедуры в соответствии со статьей 29.6 КоАП РФ, которая предусматривает, что дела, касающиеся административных правонарушений, наказуемых административным арестом, должны рассматриваться в течение одного дня. Тем не менее, Суд повторил, что «существование и использование ускоренных процедур в уголовных делах само по себе не противоречит статье 6 Конвенции при условии, что производство обеспечивает необходимые меры обеспечения и гарантии, содержащиеся в этой статье» (пункт 36 постановления).

Суд установил по делу первого заявителя, что «полиция составила протокол об административном правонарушении, то есть документ, служащий основанием для обвинений против нее, 27 февраля 2015 года. Заявитель, которая на тот момент не содержалась под стражей, не утверждала, что ей не предоставляется возможность доступа к этому протоколу или другим документам ее административного дела на эту дату или в течение последующих дней. Она также не утверждала, например, что было невозможно делать копии материалов дела до того, как дело было направлено в суд первой инстанции, или то, что она не получила копию протокола об административном правонарушении. Также [было отмечено], что заявитель была уведомлена о подробностях запланированного слушания 3 марта 2015 года примерно за три часа до начала слушания. Тем не менее, поскольку ее ходатайство о том, чтобы отложить слушание, было отклонено, ей предоставили час на ознакомление с материалами дела. Не оспарива[лось] то, что ее адвокат который пришел позднее, попросил только пятнадцать минут для ознакомления с материалами дела. Суд также отме[тил], что заявитель, которой на слушании помогал адвокат, воспользовалась своим правом на подачу ходатайств, в частности, ходатайств о допросе свидетелей защиты, которые были удовлетворены судом. При таких обстоятельствах и с учетом масштаба ущерба для заявителя, Суд не убежден в том, что первый заявитель была чрезмерно ограничена в своих возможностях должным образом ознакомиться с обвинениями и доказательствами, свидетельствующими против нее, и дать им оценку, а также разработать эффективную правовую стратегию своей защиты» (пункт 37 постановления).

Что касается второго заявителя, то Суд обратил внимание на следующие обстоятельства: «период между составлением протокола об административном правонарушении и судебным рассмотрением его административного дела — период, в течение которого он мог бы быть наказан лишением свободы, — продолжался не более нескольких часов. Неясно, сколько времени было предоставлено заявителю, который в то время не был лишен свободы, на анализ протокола об административном правонарушении или другого материала административного дела, включая письменные показания полицейских. Даже если допустить, что его дело было

несложным, Суд не убежден в том, что второму заявителю было предоставлено достаточно время и возможности для подготовки своей защиты, особенно ввиду того факта, что ему не оказывалась правовая помощь в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции.... В Суде Власти не привели никаких доводов в пользу противного. В частности, не утверждалось, что апелляционное производство проводилось таким образом, чтобы устранить любые предполагаемые недостатки на предыдущей стадии судопроизводства» (пункт 38 постановления).

С учетом изложенного Суд пришел к выводу о наличии нарушения пункта 3 статьи 6 Конвенции, взятого в совокупности с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в отношении второго заявителя и отсутствие нарушения этого положения в отношении первого заявителя.

Заявители также жаловались, что их осуждение за совершение административного правонарушения являлось незаконным и непропорциональным вмешательством в их право на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний. Они ссылались на статьи 10 и 11 Конвенции.

Стороны согласились с тем, что осуждение заявителей за совершение административного правонарушения являлось вмешательством в их право на свободу мирных собраний и свободу выражения мнения. Подобное вмешательство, по мнению Европейского Суда, представляет собой нарушение статей 10 и 11 Конвенции, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 каждой из статей, а также если оно не является «необходимым в демократическом обществе».

Суд отметил информацию первого заявителя о том, что она проводила одиночные пикетирования с соблюдением требования о законодательно определенном расстоянии. В этой связи Суд сослался на выводы, сделанные им в постановлении по делу *Новикова и других против Российской Федерации* в отношении Закона о собраниях, которые, независимо от требования о законодательно определенном расстоянии и выполнении этого требования демонстрантами при одновременном одиночном пикетировании, наделяют суды полномочиями классифицировать ситуацию как массовое мероприятие *post factum* («правило переклассификации» на основании раздела 7(1.1) Закона о собраниях) и подразумевают наказание людей за несоблюдение применимой процедуры уведомления для такого мероприятия. По мнению Суда, предполагаемые законодательные цели такого уведомительного порядка (такие как предоставление органам власти возможности принять своевременные и должные меры для обеспечения требуемого порядка проведения определенной гражданской инициативы и обеспечения общественной безопасности, а также защиты прав участников мероприятия и иных лиц) в обычном порядке могли бы быть достигнуты

посредством разумного применения требования о дистанции, без существования «насуточной социальной потребности» — относящейся к преследованию любой конкретной законной цели — применять «правило переклассификации» и соблюдать соответствующую процедуру предварительного уведомления (пункт 45 постановления).

Было подчеркнуто, что «в 2014-2015 годах в г. Т. существовало конкретное законодательное требование в отношении 30-метровой дистанции... Не оспарива[лось], что первый заявитель стояла по меньшей мере в 30 метрах от других протестующих, чтобы обеспечить соблюдение ею этого требования. Суд также не сомнева[лся], что поведение заявителя при выражении своей позиции было мирным и не носило провокационного характера. Внутригосударственные суды рассматривали ситуацию как ряд массовых мероприятий, проводимых в форме одиночного пикетирования. Тем не менее, нет убедительных обстоятельств, относящихся к общественной безопасности, предотвращению беспорядков или защите прав других лиц, которые были бы положены на чашу весов или на которые бы опирались при применении этого фактического утверждения для признания виновным первого заявителя именно за несоблюдение процедуры и при приписывании ей активной роли... Единственное имеющее отношение к делу обстоятельство состояло в необходимости наказания незаконного поведения, заключавшегося единственно в несоблюдении процедуры уведомления. В отсутствие каких-либо отягчающих обстоятельств этого было недостаточно для оправдания вмешательства в право первого заявителя на свободу выражения мнения в обстоятельствах дела» (пункт 46 постановления).

Что касается второго заявителя, то Суд принял во внимание выводы внутригосударственных судов о том, что он участвовал в массовом публичном мероприятии в форме «пикета», о котором не подавалось предварительного уведомления. По мнению Суда, имелось мало подтверждений того, что второй заявитель находился на расстоянии 30 метров от других демонстрантов, проводивших одиночные пикеты. Таким образом, признавая, что заявитель действительно принимал участие в «собрании» с (семью) другими лицами, и что его осуждение явилось вмешательством в его право на свободу мирных собраний, Суд посчитал, что в этом деле обнаруживается нарушение статьи 11 Конвенции, толкуемой в свете статьи 10 (пункт 47 постановления).

Суд обратил внимание на то, что, в сравнении со многими предыдущими делами, «второму заявителю была предоставлена возможность участия в небольшой, мирной и по своей сути не провокационной демонстрации. Также примечательно, что никакого элемента вмешательства не возникло в отношении любых дальнейших принудительных мер, таких как задержание или арест до суда -, поскольку в отношении второго заявителя по настоящему делу такие меры не применялись. Таким образом, единственный элемент вмешательства касался признания виновным за административное

правонарушение, в результате чего ему было назначено наказание в виде штрафа. В этом отношении настоящее дело отличается от многих других дел, в которых в основном имеется сочетание по меньшей мере двух элементов «вмешательства»» (пункт 48 постановления).

Даже в контексте «вмешательства», состоящего из одного единственного элемента, Суд не исключает, что «при необходимости» такая мера, как разумно обоснованный штраф, могла быть наложена на месте или позднее (пункт 49 постановления).

Суд повторил, что «следует проводить надлежащее разграничение между организаторами и участниками публичного мероприятия. Ассоциациям и другим лицам, организующим демонстрации, важно, как участникам демократического процесса, придерживаться правил, регулирующих этот процесс, и соблюдать действующие положения закона.... Государства могут налагать санкции на тех, кто не соблюдает данную процедуру. В то же время (в частности, применительно к участникам митингов) свобода принимать участие в мирном собрании имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут наказанию — даже относящемуся к нижней границе масштаба дисциплинарных взысканий — за участие в демонстрации, которая не была запрещена, до тех пор, пока это лицо не совершает никаких предосудительных действий по такому случаю... В более общем смысле, как правило, недостаточно, чтобы вмешательство осуществлялось потому, что его предмет входит в определенную категорию или на него распространяется правовая норма, сформулированная в виде абсолютной нормы. Скорее требуется, чтобы это «вмешательство» было «необходимо в демократическом обществе» в конкретных обстоятельствах данного дела... Иными словами, незаконная ситуация, такая как организация демонстрации (или участие в демонстрации) без предварительного уведомления сама по себе не оправдывает вмешательства в право лица на свободу собраний; отсутствие предварительного одобрения и вытекающей из него «законности» действия не дают *carte blanche* властям; последние остаются ограниченными требованием статьи 11 относительно пропорциональности» (пункт 50 постановления).

Суд установил, что «[в]торого заявителя признали виновным лишь в связи с участием (мирным и не провокационным) в мероприятии, проводимом небольшой группой участников, о котором компетентный орган не был заранее информирован. Правонарушение, о котором идет речь, не включало в себя никаких дополнительных дискриминирующих элементов, касающихся какого-либо «предосудительного действия», такого как помехи движению транспорта или ущерб имуществу или акты насилия... Например, ничто не указывает на то, что заявитель отказывался выполнять какие-либо законные распоряжения полиции. Фактически ничто не предполагает, что какие-либо подобные распоряжения (например, распоряжение разойтись) были отданы в ходе демонстрации, о которой идет речь. В этой связи

отмечается, что Пленум Верховного Суда РФ²⁴ указал, что судебное преследование участников за присутствие на массовом публичном мероприятии, в отношении которого не подавалось уведомления, допустимо лишь в том. случае, если они не выполняли конкретные обязательства, перечисленные в разделах 6(3) и 4 Закона о собраниях, а именно обязательство подчиняться распоряжениям, данным полицией» (пункт 51 постановления).

Хотя Суд не упустил из вида степень толерантности, проявленную полицией, он не проявил убежденности в том, что «было целесообразно налагать штраф в размере 165 евро на второго заявителя в конкретных обстоятельствах настоящего дела. Заявитель последовательно утверждал, что проводил одиночное пикетирование на расстоянии от других лиц. Так, должным образом учитывая презумпцию невиновности, в этом контексте на обвинителя (не присутствовавшего в данном деле) возлагалась обязанность обосновать то, что заявитель заведомо участвовал в собрании, о котором не направлялось никаких уведомлений, и отказался прекращать свое участие в нем несмотря на четкие и неоднократные распоряжения полиции или иного должностного лица. Суд не убе[дился], что постановления внутригосударственных судов содержат достаточную аргументацию по этим элементам. Так, хотя сумма штрафа не представляется особенно большой, Суд не может сделать вывод, что вмешательство в настоящем деле было «необходимо в демократическом обществе»» (пункт 52 постановления).

Суд обратил внимание на то, что «решения внутригосударственных судов не содержат должной оценки того факта, что если бы даже заявители участвовали в публичных массовых мероприятиях, о которых не подавалось никакого уведомления, они делали это в связи с осуществлением своей свободы выражения мнения, относящейся к делам, составляющим общественный интерес, таким как закрытие региональной телевизионной компании... или предполагаемое преследование политических активистов» (пункт 53 постановления).

С учетом изложенного имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении первого заявителя и нарушение статьи 11 Конвенции в отношении второго заявителя.

См. также вышеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 42294/13 *«Белан и Свидерская против Российской Федерации»*

²⁴ Речь идет о постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях».

(вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)²⁵, № 61443/13 «**Николаев против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)²⁶.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступили копии неофициальных переводов на русский язык постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 18820/17 и 20413/17 «**Кададов и Переверзев против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 23 июля 2019 г.), № 77208/16 «**Егоров и другие против Российской Федерации**» и по 4 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 28 мая 2019 г.) и № 24377/15 «**Куратов и другие против Российской Федерации**» и по 2 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 22 октября 2019 г.), в которых установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных в связи с несоблюдением судами принципа беспристрастности при рассмотрении дел об административных правонарушениях заявителей в отсутствие стороны обвинения.

В сфере гражданско-правовых отношений

вопросы присуждения соразмерной (достаточной) компенсации за допущенные нарушения прав и свобод. Утраты лицом статуса «жертвы»

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по жалобе № 10970/12 «**Григорьев и Игамбердиева против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.), которым установлено нарушение в отношении одного из заявителей пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции.

Первый заявитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 5, статьи 10 и 11 Конвенции, жаловался на свое доставление в отделение полиции и содержание там, а второй заявитель жаловалась на судебное преследование за административное правонарушение.

Что касается второго заявителя, обе стороны придерживались согласованной позиции, что ей не препятствовали, и что она смогла закончить свою демонстрацию 12 декабря 2010 года; демонстрация — по собственному выбору — продолжалась пять минут. Таким образом, не

²⁵ См. подраздел «запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

²⁶ См. подраздел «запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

представляется, что со стороны полиции имело место вмешательство в осуществление ее права на свободу выражения мнения. Что касается последующего судебного преследования второго заявителя, она обвинялась в правонарушении административного характера (а не в уголовном преступлении, в строгом значении этого термина); в результате данного судебного преследования производство было прекращено. Судебное разбирательство, которое длилось с марта по май 2011 года, таким образом, не было чрезмерно продолжительным. Второй заявитель не была лишена свободы после демонстрации и в ходе судебного разбирательства, она также не сталкивалась ни с какими другими нарушениями своих прав. Внутригосударственные суды признали нарушение права второго заявителя на свободу выражения мнения в связи с ее незаконным судебным преследованием за правонарушение административного характера и присудили ей компенсацию морального вреда в сумме 250 евро. Даже предполагая, что имело место «вмешательство», и что второй заявитель может все еще претендовать на то, что она является жертвой нарушения статьи 10 Конвенции в связи лишь с фактом ее судебного преследования, которое длилось в течение определенного периода, хотя и без иных негативных последствий, связанных с этим судебным преследованием, Суд посчитал, что данная часть жалобы является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции (пункт 21 постановления).

Суд ранее приходил к выводу о том, что задержание и содержание под стражей протестующих может составлять вмешательство в право на свободу выражения мнения. В настоящем деле первый заявитель проводил одиночное пикетирование, держа плакат с требованием справедливого суда над двумя хорошо известными лицами. Демонстрация первого заявителя не прерывалась. Таким образом, он беспрепятственно осуществил свое право на свободу «распространять информацию и идеи» и «придерживаться своего мнения». Однако и его последующее доставление в отделение полиции, и судебное преследование за административное правонарушение были связаны с выражением им мнений и распространением информации и поэтому представляли собой «вмешательство» в его права, гарантированные на основании статьи 10 Конвенции. Тот факт, что судебное преследование за административное правонарушение привело к прекращению административного производства против первого заявителя, не меняет этого вывода (пункт 23 постановления).

Суд повторил, что «в соответствии с принципом субсидиарности Договаривающиеся Стороны несут основную ответственность за обеспечение прав и свобод, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней... Суд не сомневал[ся], что внутригосударственные суды в настоящем деле пытались добросовестным образом и делая все в своих силах оценить уровень страдания, душевного смятения, беспокойства или иных вредных

последствий, понесенных заявителем. Он повтор[ил], что такая оценка должна производиться способом, соответствующим требованиям внутригосударственной правовой системы, и принимать во внимание уровень жизни в рассматриваемой стране, даже если это приведет к присуждению меньших сумм, чем суммы, установленные Судом в схожих делах» (пункт 24 постановления).

Тем не менее, даже допуская, что вывод внутригосударственных судов о незаконности доставления первого заявителя в отделение полиции с места проведения им одиночного пикетирования представлял, по сути, подтверждение нарушения его свободы выражения мнения, Европейский Суд не посчитал, что присуждение ему суммы 250 евро является надлежащей и достаточной компенсацией за вмешательство, которое было незаконным и несоразмерным. Присужденная сумма, по мнению Суда, никаким образом не сравнима с теми, которые могли бы быть присуждены по статье 41 Конвенции или же по пункту 1 статьи 5 либо статье 10 Конвенции²⁷. Суд также отметил, что, «хотя внутригосударственные суды признали отсутствие необходимости доставления первого заявителя в отделение полиции, они не признали нарушение, касающееся осуществления его свободы выражения мнения...». Таким образом, первый заявитель оставался жертвой предполагаемых нарушений пункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции, когда он подал жалобу в Европейский Суд (пункт 25 постановления).

Со своей стороны, в том, что касается существа жалобы по статье 10 Конвенции, Суд не усмотрел никаких убедительных причин, которые бы оправдывали доставление первого заявителя в отделение полиции. Поэтому Суд пришел к выводу, что он был жертвой как минимум непропорционального вмешательства в его свободу выражения мнения ввиду его доставления его в отделение полиции. Что касается пункта 1 статьи 5 Конвенции, то внутригосударственные суды признали, что доставление заявителя в отделение полиции было осуществлено в нарушение российского законодательства. Суд не обнаружил причин считать иначе (пункты 26-27 постановления).

С учетом изложенного в отношении первого заявителя были допущены нарушения подпункта 1 статьи 5 и статьи 10 Конвенции.

²⁷ См. постановления по делу «Скордино против Италии (№ 1)», пункты 181 и 202; «Новикова и другие», пункты 222-25 и 231; постановление Европейского Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Цветкова и другие против России» (*Tsvetkova and Others v. Russia*), жалобы №№ 54381/08 и пять других жалоб, пункт 203; постановление Европейского Суда от 26 июня 2018 года по делу «Форталнов и другие против России» (*Fortalnov and Others v. Russia*), жалобы №№ 7077/06 и 12 других жалоб, пункт 98; см. также, *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление по делу *Василевского и Богданова*, пункт 23.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенные постановления Европейского Суда по жалобам № 61443/13 *«Николаев против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 12 февраля 2019 г.)²⁸, № 31475/10 *«Анненков и другие против Российской Федерации»* (вынесено 25 июля 2017 г., вступило в силу 25 октября 2017 г.)²⁹.

нахождение обвиняемого в зале судебного заседания в «металлических клетках»

практика Европейского Суда по правам человека

См. также постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 18408/16 *«Киселев и другие против Российской Федерации»* и 5 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 г.) и постановление Европейского Суда по жалобе № 79494/17 и по 9 другим жалобам *«Боровцов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 января 2020 г.).

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобе № 7077/06 и по 12 другим жалобам *«Фортальнов и другие против Российской Федерации»* (вынесено 26 июня 2018 г., вступило в силу 3 декабря 2018 г.), которым установлено нарушение пункта 1 и пункта 5 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителей под стражей, отсутствием у них права на получение компенсации в связи с данным нарушением, а также пункта 3 статьи 5 Конвенции - ввиду необоснованно длительного содержанием

²⁸ См. подраздел *«запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)»* раздела *«В сфере административно-правовых отношений»*.

²⁹ См. подраздел *«запрет обращения, унижающего человеческое достоинство (в аспекте реализации лицом права на свободу собраний)»* раздела *«В сфере административно-правовых отношений»*.

заявителей под стражей.

Заявители жаловались, что их лишение свободы являлось произвольным и незаконным в соответствии со статьей 5 Конвенции. Заявители также жаловались на то, что они были не в состоянии добиться судебного пересмотра незаконности их лишения свободы без составления соответствующего протокола. Они жаловались и на то, что они не имели права на компенсацию в отношении их незапротоколированного лишения свободы.

Европейский Суд неоднократно отмечал, что отсутствие протокола задержания должно само по себе рассматриваться как самое серьезное нарушение, поскольку согласно неизменному мнению Суда, негласное задержание лиц является полным отрицанием важных основополагающих гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и представляет собой самое серьезное нарушение этого положения. Отсутствие регистрации таких данных как день, время и место задержания, имя задержанного, причины задержания и имя лица, осуществившего задержание, должно рассматриваться как несоответствие требованию законности и самой цели статьи 5 Конвенции (пункт 76 постановления).

Отсутствие любого подтверждения или документа в отношении лишения лица свободы в качестве подозреваемого, по мнению Европейского Суда, может привести к лишению такого лица доступа к адвокату и всех остальных прав подозреваемого, а также к потенциальной уязвимости такого лица не только в отношении произвольного вмешательства в его право на свободу, но также в отношении жестокого обращения (пункт 77 постановления).

Суд установил, что полиция задержала заявителей в конкретное время. Тем не менее, протоколы задержания заявителей не были составлены до истечения периода от семи до восьмидесяти трех часов после их фактических задержаний. Дополнительно, несмотря на то, что протоколы задержания были составлены, время задержания, указанное в таковых, отличалось от фактического времени их задержания. Таким образом, как отметил Суд, период времени между фактическими задержаниями и составлением протоколов задержания заявителей не был зарегистрирован или подтвержден в какой-либо процессуальной форме (пункт 78 постановления).

Отсутствие надлежащего протокола о задержании заявителей стало для Суда достаточным обстоятельством для вывода о том, что лишение их свободы в течение соответствующих периодов противоречило требованиям, содержащимся в статье 5 Конвенции, о надлежащем документировании лишения свободы (пункт 79 постановления).

Суд обратил внимание на аргумент Властей о том, что лишение свободы троих заявителей упоминалось в определенных других

документах.³⁰ Суд в рассматриваемой связи вновь повторил, что для того, чтобы убедиться в доступности средств защиты в отношении произвольного лишения свободы, статья 5 Конвенции требует, чтобы любое лишение свободы было надлежащим образом и достаточно подробно зарегистрировано. Такие документы должны являться общедоступными, статус соответствующего лица должен быть юридически оформлен сразу после того, как такое лицо было принято органами власти, и все права такого лица должны быть немедленно и ясно разъяснены такому лицу. В трех рассматриваемых делах Власти не заявляли, и ничего не предполагает того, что документы, на которые опирались Власти, не являлись внутренними документами и являлись общедоступными или доступными заявителям. Более того, указанные документы не включали юридическое оформление статуса заявителей, и не обеспечивали информирование заявителей об их правах, или предоставление подозреваемым соответствующих прав, таких как право на юридическую помощь или право доступа к суду. Таким образом, документы, на которые ссылались Власти, не могут рассматриваться в качестве надлежащего документирования задержания заявителей в качестве подозреваемых (пункт 80 постановления).

Суд также отметил, что двое заявителей, по-видимому, были подвергнуты административному аресту с целью их участия в качестве подозреваемых по уголовному делу, но без соответствующих средств защиты их процессуальных прав как подозреваемых. Суд повторил свою позицию о том, что такое поведение органов следствия является несовместимым с принципом правовой определенности и защиты от произвольного содержания под стражей в соответствии со статьей 5 Конвенции. Аналогичным образом, Суд обратил внимание на то, что продолжительность «доставления» к следователю одного из заявителей, равная тридцати

³⁰ «В делах *Фортальнова, Анаева и Цетиева* (жалобы №№ 7077/06, 63531/13 и 7442/15 соответственно) Власти сочли, что лишение свободы заявителей под стражей фактически было запротоколировано. В частности, задержание *Фортальнова* 18 июля 2005 года было задокументировано в протоколе милиции от 19 июля 2005 года. Факт его задержания 18 июля 2005 года также был косвенно запротоколирован в документе милиции от 18 июля 2005 года с распоряжением о проведении экспертизы наркотических средств, обнаруженных у заявителя, а также о записи его первого допроса 18 июля 2005 года. По делу *Анаева* Власти представили копию журнала регистрации заключенных с записью № 337, в которой было отмечено, что заявитель был задержан в 20:00 28 декабря 2012 года по подозрению в ограблении. Также были указаны имя и фамилия полицейского, осуществившего задержание. Что касается *Цетиева*, Власти ссылались на журнал регистрации полицейских автомобилей, в котором было отмечено, что в 23:20 полиция «доставила» в отделение полиции четырех человек, включая заявителя, «с целью проверки их причастности к преступлению...». В соответствии с журналом отделения полиции, заявитель был освобожден в 14:00 22 сентября 2014 года. Таким образом, Власти заявили, что лишение свободы троих заявителей было запротоколировано» (пункт 69 постановления).

четырем часам, не является обоснованной и приводит к возникновению сомнений в отношении ее истинной цели (пункт 83 постановления).

На основании вышесказанного Суд заключил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении недокументированного лишения заявителей свободы (пункт 84 постановления).

Суд отметил, что согласно соответствующим положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, компенсация материального ущерба и/или морального ущерба может быть взыскана с государства, только если лишения свободы признано незаконным в рамках внутригосударственного судебного разбирательства. Тем не менее, в настоящем деле внутригосударственные суды не признали лишение заявителей свободы незаконным. Следовательно, заявители не имели оснований для требования компенсации в отношении их лишения свободы, которое имело место в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции. Дополнительно, Суд подчеркнул, что российское законодательство не предусматривало ответственность государства за лишение свободы, которое не было зарегистрировано или не было признано в любой процессуальной форме (пункт 86 постановления).

С учетом изложенного, по мнению Европейского Суда, заявители не имели реализуемого права на компенсацию, в соответствии с требованиями пункта 5 статьи 5 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение данного положения (пункт 87 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 79494/17 и по 9 другим жалобам *«Боровцов и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 января 2020 г.), которым установлено нарушение пунктов 3, 4 и 5 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным содержанием заявителей под стражей, ненадлежащим рассмотрением судом жалоб заявителей на постановления о заключении под стражу и отсутствием у них права на получение компенсации в связи с данным нарушением, а также статьи 3 Конвенции в связи с помещением заявителя в металлическую клетку в зале суда.

Одновременно Европейский Суд исключил из списка подлежащих рассмотрению дел ряд жалоб на нарушение ст. 3 Конвенции (необеспечение надлежащих условий транспортировки находящихся под стражей заявителей) в связи с заключением мирового соглашения между сторонами.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по жалобе № 34645/17 и по 8 другим жалобам *«Дигаи и другие против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 16 января 2020 года), по жалобе № 24185/08 и по 3 другим жалобам *«Гевал и другие против Российской Федерации»*

Федерации» (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.), которыми установлено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным содержанием заявителей под стражей.

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 11577/12 и по 6 другим жалобам **«Асонов и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 26 июля 2018 года), которым установлено нарушение пункта 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с необоснованно длительным содержанием заявителей под стражей, ненадлежащим рассмотрением судом жалобы на постановление о заключении под стражу; статьи 3 Конвенции — в связи с необеспечением одному из заявителей надлежащих условий транспортировки.

Одновременно Европейский Суд исключил из списка подлежащих рассмотрению дел жалобу *Асонова Ю.Л.* на нарушение статьи 3 Конвенции (необеспечение надлежащих условий содержания в местах лишения свободы) в связи с принятием условий односторонней декларации российских властей.

право на беспристрастный суд

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 80251/13 **«Никотин против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 8 января 2019 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство.

Заявитель жаловался на то, что Ч., мама потерпевшего, оказала на присяжных неправомерное влияние в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Суд отметил, что присяжные вынесли вердикт о виновности в деле заявителя. Примерно через три недели, до вынесения приговора присяжный В. выступил с заявлением о том, что мать потерпевшего Ч., неоднократно общалась с присяжными заседателями в ходе судебного разбирательства, пытаясь оказать на них влияние. Председательствующий судья распорядился провести проверку по данному вопросу. Его выводы были рассмотрены судом апелляционной инстанции, который отклонил жалобу заявителя на отсутствие беспристрастности суда первой инстанции как необоснованную (пункт 22 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на то, что в обстоятельствах настоящего дела он не может выносить решение о доказательной ценности заявления присяжного, сделанного после судебного разбирательства, или решать вопрос о том, общалась ли Ч. с присяжными. Тем не менее, Суд посчитал, что утверждения В.³¹, на которые ссылался заявитель в своей апелляционной жалобе, были достаточно серьезными и подлежали рассмотрению. Таким образом, по мнению Суда, именно национальные судебные органы должны были проверить, являлся ли суд первой инстанции «беспристрастным», как того требует пункт 1 статьи 6 Конвенции, по смыслу этого положения. При проведении проверки они должны были использовать все имеющиеся у них средства, чтобы устранить сомнения относительно реальности и характера утверждений заявителя (пункт 23 постановления).

Суд принял во внимание то обстоятельство, что судья первой инстанции не сразу отклонил утверждения В. Он попросил судебного пристава провести проверку. Он также получил письменные показания от председателя коллегии и Ч. Собранные судьей материалы были рассмотрены судом апелляционной инстанции (пункт 24 постановления).

Однако, по мнению Суда, этого было недостаточно, чтобы развеять сомнения относительно реальности и характера утверждений заявителя. По его мнению, только допрос присяжных мог бы пролить свет на характер общения, если оно имело место, и на степень влияния, которое оно могло оказать на присяжных, как об этом утверждал В. Кроме того, текст письма судебного пристава не позволил Суду оценить эффективность проверки, проведенной этой службой. В нем просто говорится, без каких-либо дальнейших подробностей, что ни один из присяжных не сообщил о каких-либо нарушениях при выполнении ими своих обязанностей (пункт 25 постановления).

Принимая во внимание приводящиеся выше факторы, Суд подчеркнул, что нельзя сказать, что проверка, проведенная национальными судебными органами в настоящем деле, предоставила заявителю возможность при необходимости исправить ситуацию, нарушавшую требования Конвенции. Следовательно, в деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (пункт 26 постановления).

право на участие защитника

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе №

³¹ 19 февраля 2013 года присяжная В. сделала заявление в адрес судьи суда первой инстанции. Она утверждала, что Ч. неоднократно разговаривала с присяжными во время перерывов между заседаниями.

6587/07 «*Фефилов против Российской Федерации*» (вынесено 17 июля 2018 г., вступило в силу 3 декабря 2018 г.), которым установлено нарушение российскими властями пункта 1 и пункта 3 (с) ст. 6 Конвенции в связи с нарушением права заявителя на справедливое судебное разбирательство.

Заявитель жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с несправедливостью производства по его уголовному делу ввиду того, что приговор был основан на признательных показаниях, данных им 22 марта 2005 года под принуждением, а также из-за непредоставления ему адвоката. Европейский Суд рассмотрел данную часть жалобы в свете пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд отметил, что 22 марта 2005 года в 18:00 заявитель был задержан и доставлен в РОВД. Из обстоятельств дела следовало (и данный факт не оспаривается властями), что 22 марта 2005 года в 21:50 - на момент дачи признательных показаний - заявитель находился под стражей в полиции только на основании подозрений в совершении им убийства. Официально заявитель был признан обвиняемым по уголовному делу 23 марта 2005 года в 00:05 во время составления протокола задержания (пункт 52 постановления).

Европейский Суд напомнил, что согласно Конвенции, лицо признается подозреваемым, в отношении которого начинают действовать гарантии статьи 6, в том числе гарантии соблюдения права на юридическую помощь, не в момент его официального признания таковым, а с момента предъявления власти убедительных оснований для возникновения у них подозрений в его причастности к уголовному преступлению. Поэтому сотрудники полиции должны были соблюсти права заявителя как обвиняемого, в том числе его право на адвоката, с момента фактического задержания (пункт 53 постановления).

Европейский Суд отметил, что заявителю была предоставлена возможность воспользоваться юридической помощью только после подписания им заявления о явке с повинной и признания заявителя подозреваемым по уголовному делу. За исключением соблюдения национального законодательства, не требующего присутствия адвоката в момент дачи признательных показаний, никаких других оправданий для непредоставления заявителю доступа к адвокату на протяжении нескольких часов с момента задержания до составления протокола задержания судом указано не было (пункт 54 постановления).

По мнению Европейского Суда, даже если заявителю перед дачей признательных показаний действительно было разъяснено конституционное право не свидетельствовать против себя, в указанных выше обстоятельствах и с учетом неразъяснения заявителю права на юридическую помощь с момента его фактического задержания нельзя признать, что заявитель в установленном порядке отказался от права на юридическую помощь (пункт 55 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что заявителя без каких-либо «веских оснований» ограничили доступ к адвокату с момента его фактического задержания (пункт 56 постановления).

Суд далее рассмотрел последствия допущенных процессуальных нарушений на общую справедливость судебного разбирательства.

В случае отсутствия веских основания для ограничения доступа к адвокату Европейский Суд должен с особой тщательностью подойти к оценке общей справедливости судебного разбирательства. При оценке справедливости судебного разбирательства большую роль играет неспособность государства-ответчика привести убедительные доводы. В этом случае может быть сделан вывод о нарушении пункта и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции. Бремя убедительного доказывания, что в порядке исключения и в особых обстоятельствах дела ограничение доступа к юридической помощи не привело к непоправимым последствиями для общей справедливости судебного разбирательства, лежит на государстве (пункт 57 постановления).

Европейский Суд отметил, что право заявителя на юридическую помощь с момента его фактического задержания было неоправданно ограничено. При этом заявитель признался в совершении убийства и написал соответствующее заявление о явке с повинной (пункт 59 постановления).

Суд обратил внимание на то, что заявитель обратился с заявлением о предоставлении доступа к адвокату сразу после составления протокола задержания и разъяснения ему его прав в качестве подозреваемого по уголовному делу, в том числе права на юридическую помощь. После удовлетворения заявления и предоставления бесплатного адвоката заявитель отказался от признательных показаний. Впоследствии в судах первой и апелляционной инстанции заявитель оспаривал приемлемость признательных показаний, утверждая, что они были даны им под принуждением со стороны полиции и в отсутствие адвоката (пункт 60 постановления).

Европейский Суд отметил, что суды отклонили соответствующие доводы заявителя преимущественно по причине отсутствия в российском законодательстве требования об обязательном предоставлении адвоката при даче признательных показаний. Такое формальное соблюдение национального законодательства ограничило или даже вовсе лишило заявителя возможности на практике оспаривать использование признательных показаний, данных им в отсутствие адвоката (пункт 61 постановления).

Европейский Суд указал на то, что утверждения заявителя о недобровольном характере признательных показаний, данных в результате жестокого обращения со стороны полиции, были отклонены как необоснованные по причине отсутствия на теле заявителя телесных повреждений во время рассматриваемых событий. Даже если во время дачи признательных показаний на заявителя не оказывалось никакого давления,

нахождения на протяжении нескольких часов в полиции в отсутствие юридической помощи и в отсутствие протокола задержания однозначно представляло собой принуждение (пункт 62 постановления).

В заключение Европейский Суд отметил, что, по мнению заявителя, использование российским судом признательных показаний в качестве основания для вынесения приговора при отсутствии других прямых доказательств его причастности к убийству, стало причиной несправедливого судебного разбирательства. Европейский Суд подчеркнул, что национальные следственные органы действительно взяли признательные показания заявителя за основу своих расследований и сконцентрировались на поиске подтверждающих эти показания доказательств. Поэтому Европейский Суд пришел к выводу, что признательные показания заявителя, с учетом их решающей для обвинения роли, могут рассматриваться как неотъемлемая и существенная часть доказательной базы осуждения (пункт 63 постановления).

Европейский Суд напомнил о наличии других соответствующих факторов, учитываемых при оценке общей справедливости судебного разбирательства по делу заявителя. Он, в частности, отметил, что заявитель не находился в особо уязвимом положении, что доказательства по делу оценивались профессиональными судьями, что общественность была крайне заинтересована в привлечении к ответственности лиц, виновных в инкриминируемом заявителю преступлении. Но даже с учетом всех других рассмотренных Европейским Судом факторов, они не смогли убедить Суд в справедливости судебного разбирательства (пункт 64 постановления).

С учетом изложенного выше и неспособности властей убедительным образом доказать, что отсутствие у заявителя доступа к адвокату с момента фактического задержания не привело к непоправимым последствиям для общей справедливости судебного разбирательства, Европейский Суд пришел к выводу о допущенном в настоящем деле нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (пункт 65 постановления).

*производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием
присяжных заседателей*

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 80251/13 *«Никотин против Российской Федерации»* (вынесено и вступило в силу 8 января 2019 г.).³²

³² См. подраздел «право на беспристрастный суд» раздела «В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений».

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.